

УДК 94(47).08



М.А. Безнин, Т.М. Димони
Вологодский государственный университет

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЛОГОДСКОГО МИЛИЦИОНЕРА М.П. ЦУВАРЕВА

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00554
«Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке
(на материалах Европейского Севера)»

В публикации презентуется довольно редкий источник – воспоминания провинциального сотрудника милиции. М.П. Цуварев трудился на этом поприще с конца 1920-х до конца 1950-х гг. Его воспоминания касаются характеристики работы сотрудников милиции современных территорий Архангельской и Вологодской областей в трудные годы коллективизации, Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия. Мемуары позволяют представить круг проблем повседневной жизни населения Европейского Севера, состояние охраны общественного порядка, типичные случаи преступности. М.П. Цуварев касается также основных характеристик милицмейской службы, особенностей карьеры, материального положения сотрудников. Мемуары выявлены авторами публикации в музее органов внутренних дел по Вологодской области в 2016 году, сами воспоминания подготовлены в 1970-е годы.

Органы внутренних дел, милиция, Европейский Север, мемуары.

В 2018 году исполнилось 300 лет российской полиции. История советской милиции была важнейшей частью становления и развития органов правопорядка. Однако жизнь рядового провинциального сотрудника милиции, как правило, не привлекала внимания историков, да и документы такого рода были редкостью. А ведь они также представляют большой интерес, расширяют наши знания по истории повседневной жизни населения.

Вашему вниманию предлагается публикация источника, озаглавленного его автором «Воспоминания Цуварева М.П.». Воспоминания были выявлены авторами публикации в фондах музея органов внутренних дел по Вологодской области в 2016 г. Михаил Петрович Цуварев (1907–1994) являлся уроженцем деревни Андреевская (Цувариха) (ныне Верховажский район Вологодской области). После службы в Красной Армии (1929–1932 гг.), начал службу в милиции Вельского района Северного края участковым инспектором. В 1935/1936 гг. прошел обучение в Ленинградской школе старшего начальствующего состава милиции, после чего работал в милицмейских органах Вологодской области. С 1936 г. служил в Междуреченском районном отделе НКВД помощником оперуполномоченного уголовного розыска, в 1938 г. был назначен на должность старшего оперуполномоченного 3-го отделения милиции г. Вологды, с 1939 г. работал начальником этого отделения. С 1948 г. работал начальником Чебсарского отделения милиции, с 1950 г. – старшим оперуполномоченным ОБХСС Лежского районного отделения милиции. В 1958 г. вышел в отставку.

Воспоминания написаны от руки в т.н. общей тетради (96 листов размером 170x200 мм) в линейку с зеленой коленкоровой обложкой. Текст занимает 78,5 листа (157 рукописных страниц, текст в каждой строке), на первом листе – заголовок (оборот листа чистый). Воспоминания датированы 1980-м годом и касаются событий 1930–1950-х годов. Не всегда в тексте автор придерживается хронологии в описании событий.

Текст воспроизводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Исправлены ошибки, описки, механические пропуски букв и т.п. Например: аппарат – аппарат; в его – в него; в начале (наречие) – вначале; вокзал – вокзал; в последствии (наречие) – впоследствии; два мужчины – двое мужчин; итти – идти; комисар – комиссар; к/гр – кг, к/м – км, монофактура – мануфактура; мясоздатчики – мясосдатчики; ни кто – никто; по среди – посреди; пришел – пришел; прозьба – просьба; Сортаваллы (город в Карелии) – Сортавала; трех мужчин – троих мужчин; ушел – ушел; и др. Для лучшего понимания текста в некоторых местах в квадратных скобках вставлены недостающие по смыслу слова; не изменено написание слов, передающее стилистические особенности языка эпохи. Воспоминания написаны автором в возрасте за 70 лет. Стил его оставлен практически без изменений. Однако для удобства прочтения текст разделен на абзацы и предложения по смыслу, так как у автора часто заглавные и строчные буквы одного размера и абзацы не выделены. Проставлены недостающие точки, запятые и другие знаки препинания. Выделена по правилам прямая речь.

Воспоминания Цуварева М.П.

Цуварев Михаил Петрович, рожд[ения] 1907 года, член КПСС с XI – 1931 года, уроженец дер. Андреевская (Цувариха) Верховажского р[айо]на Вологодской области. 20 сентября 1929 года призван в Советскую Армию¹ и служил в 21[-м] полку войск ОГПУ дивизии особого назначения в гор. Тула. Из армии уволен по демобилизации в долгосрочный отпуск 31 декабря 1931 года. Будучи в армии, в апреле месяце 1930 года из 21[-го] полка из гор. Тула нас, группу красноармейцев около 40 человек, во главе политрука дивизиона т. Курильчика и командира взвода т. Воронина командировали в гор. Москва в 1[-й] полк нашей дивизии особого назначения войск ОГПУ. В Москве был сформирован отряд в количестве 350–400 человек. И, подняв [нас] в ночное время по тревоге, командировали в Туркестан под командованием командира дивизии Хреновского для ликвидации басмаческих банд. В Туркестане мы пробыли до конца сентября 1930 года в основном на Афганистанской границе. Очень много ходили и ползали в горах. Вначале вылавливали басмачей небольшими группами по 3, 5, 10, 30 человек, находили их в аулах и в ущельях. Часто банды басмачей нам оказывали сопротивление. Нам же было запрещено отлучаться от своей части – отряда. И еще можно привести такой пример. Оперативный работник ОГПУ и наш помкомвзвода Жуковский нашли мальчика, который пас овец. Он в разговорах с ними, а Жуковский хорошо знал туркменский язык, мальчик сказал, что он знает, где скрываются банды басмачей, они его уговорили, а потом создали обстановку, как бы мальчика выкрали, и привели его в отряд. Мальчик согласился идти проводником и отряд привел в горы, где находились басмачи. И вот в этом месте в горах, в ущелье, было взято 250–300 человек почти без выстрела, это было уже в августе месяце. Мальчику было 13 лет. Мальчик, который оказал помощь, вместе с мамой был увезен в Москву, и он был взят воспитанником в дивизии, а его маму взяли уборщицей. Там, в Туркестане, их оставлять было нельзя. По возвращении из Туркестана я служил там же, в 21[-м] полку в ОГПУ [неразб.]. А на торжественном собрании меня за борьбу с басмачеством наградили именными часами с подписью «За активную борьбу с бандами басмачей!»². При вручении часов мне еще была выдана справка за подписью командира полка, конференция ударников меня признала настоящим ударником. Тогда же в ноябре месяце 1930 года я вступил кандидатом в члены ВКП(б) с годичным стажем, а в ноябре 1931 г. – в члены КПСС. И замечательно то, что первый и второй партийный билет вручил один и тот же секретарь РК ВКП(б) т. Кузнецов, который впоследствии был секретарем Ленинградского ОК ВКП(б) и секретарем ЦК КПСС. Первый билет он выдавал, когда был секретарем парткома Тульского оружейного завода, а второй билет в 1936 году – он был секретарем Дзержинского РК КПСС гор. Ленинграда.

¹ Советская Армия до февраля 1946 года называлась Красная Армия.

² Здесь и далее слова и предложения, подчеркнутые автором воспоминаний, выделены курсивом, некоторые названия и прямая речь (по контексту) поставлены в кавычки, поскольку у автора не выделены.

заместо, не зная, где находится мать. В советской системе, в то время существовала система мобилизации на основе своего рода кампаниями, которые проводились как красные, так и белые, и партизанно-советские работники, расширяли работу своего отряда. В 1933 году меня избили в Москве в результате деятельности партизанской организации в Москве. Партия меня в результате этих действий признала и себя организует. Выходя по советским обязательствам, осужденный в его время, мне пришлось оказаться в тюрьме. Но как советским работникам в результате деятельности в результате работы в результате работы.

Страница из рукописи
«Воспоминания Цуварева М.П.»

Приехав после демобилизации из Советской Армии, 2 января 1932 г. я поступил на работу в Вельский райсовет³ Осоавиахим на должность инструктора боевой подготовки. А 20 апреля 1932 года по направлению Вельского РК ВКП(б) поступил на работу в Вельское РУМ⁴ на должность участкового инспектора милиции. Вначале работал в гор. Вельск в райуправлении под руководством нач[альника] ОУР⁵ тов. Киселева Александра Ивановича, он меня и учил. Киселев был хороший наставник и учитель. С ним я выходил на место происшествия и на задержания преступников, и мне запомнился такой случай. В августе месяце 1932 г. в ночное время из склада Вельского лесхимтехникума была совершена крупная кража материальных ценностей. На место происшествия вышел т. Киселев, и он взял меня. При осмотре места происшествия в 200 или 300 метрах от склада на бульваре по направлению к реке Вага был обнаружен брезентовый плащ, похищенный во время кражи, а это дало основание полагать, что краденые вещи унесены на луга в местечко Ваймеш или в деревню, расположенную за рекой Вага. При осмотре кустарника и стогов сена мы обнаружили краденые вещи в 3 стогах, стога стояли рядом в одной изгороди. Там были в основном носильные вещи: яловые сапоги, полушубки, плащи брезентовые и постельная принадлежность. И Киселев решил в стогах установить засаду, и мы с ним засели в стогу. А когда стемнелось около 21 часа, Киселев ушел в райуправление милиции, а в засаде я остался один, и Киселев ко мне больше не пришел. Его срочно послали в командировку в Хозьминский или Шарденгский с[ель]сов[ет]. Нач[альник]ка райот-

³ В то время относился к Северному краю.

⁴ РУМ – районное управление милиции, РОМ – районный отдел милиции.

⁵ ОУР – отделение уголовного розыска.

деления не было. Ко мне в стога никто не пришел, и я остался один. Просидел я в засаде после Киселева еще ночь и день, хотелось, конечно, есть, пить, но я пост оставить не мог. И вот на 3[-ю] ночь, около 2 часов ночи, к стогам приехали на лошади, запряженной в дроги. Подъехав к стогу, привязали лошадь к изгороди. Мужчина остался у лошади, а трое ребят подошли к стогам, и двое из них заползли на стог, один крикнул: «Ребята, сапоги унесены, а они нами ночью были сложены в одно место!». В этот момент я выскочил из укрытия от среднего стога и крикнул: «Стой! Милиция! Стрелять будем!». Двое из них убежали, а двоих я задержал, тут же по моему предложению они сложили на дроги все краденое, и мы приехали в райотделение. Оружия у меня при себе не было, а был всего лишь детский пугач. При выяснении в райотделе ребята назвали тех двух, которые убежали, и они были задержаны, и все 4 человека за кражу были арестованы и осуждены. Там были конюх техникума, но фамилии не помню, и три студента, один из них по фамилии Попов Николай из дер. Прилуки Судромского с[ель]сов[ета] Вельского р[айо]на.

В 1932 году я ездил по командировке Вельского РК ВКП(б) в Судромский с[ель]сов[ет] по чистке колхозов от кулацких элементов. Всего мы в этой командировке пробыли около 2 месяцев. В колхозах проводили собрания. *Начальником Вельского РУМ был Минюхин* (по имени не знаю), в органах милиции он работал с 1918 года. Это был хороший наставник и учитель. В районе пользовался большим авторитетом и доверием. Район был большой. Тогда и весь Верхневажский р[айо]н был Вельского р[айо]на. *Политрук в райотделении был Коноплев. В 1940 году Минюхин был командирован на работу в гор[од] Сортавала.* А во время Великой Отечественной войны был командиром истребительного батальона, и там, по сведениям, *погиб*. Будучи в Вельске, он был требователен к подчиненным и хорошим учителем. При выездах в командировки он всегда находил время встретить участкового инспектора и оказать ему в работе помощь или дать совет. Бывали и такие случаи: при встречах в пути и даже в лесу, при 30[-градусном] морозе он заезжал с дороги в сторону, а, остановив лошадь, брал сумку или портфель, просматривал все заявления и переписки, тут же давал по ним письменные указания, а потом, спросив, все ли понял, как его подчиненный живет, в чем нуждается, и только после того, когда скажешь, [что] все понял, уезжал.

В сентябре 1932 года я был командирован на работу на Ракуло-Кокшеньгский уч[асто]к и *обслуживал вначале:* Р[акуло]-Кокшеньгский, Ульяновский и Дзержинский сельсоветы, но потом через год прикрепил к обслуживанию еще три сельсовета: В[ерхне]-Устькулойский, Лиходиевский и Коленьгский сельсоветы. Центр участка был Р[акуло]-Кокшеньгский сельсовет *на расстоянии 56 км от города Вельск. Участок был разбросан: от Р[акуло]-Кокшеньги до Коленьги было больше 60 километров.* Основным средством передвижения была лошадь, за лошадью ухаживал сам участковый инспектор. Связь с сельсоветами была плохая, плохая была и с райотделением. Из 6 сельсоветов было всего лишь два телефона: в Р[акуло]-Кокшеньгском и В[ерхне]-Устькулойском. Но позвонить было в райцентр очень

трудно. И плохо то, что на линии было несколько телефонов по сельсоветам, в том числе Устьянский район и райцентр Шангалы. И если дозвонишься до райотделения – считалось большим счастьем, так как только возьмешь трубку [уже] кричат: «Повешай трубку! Занято! Не мешай разговаривать!». В сельской местности в то время проходила коллективизация, а на основе сплошной коллективизации – ликвидация кулачества как класс[а]. Некоторые кулаки угрожали [убить] активистов и партийно-советских работников, расхищали колхозное добро. В 1933 году меня избрали *секретарем* Ракуло-Кокшен[ьг]ской партийной организации – партийной ячейки. Направляя меня в Р[акуло]-Кокшен[ьг]ский уч[асто]к, нач[альник] РУМ т. Минюхин мне давал наставление и совет организовывать по сельсоветам общественность, осодмил⁶, и я его указание принял как должное. Почти во всех сельсоветах были организованы *бригады осодмила* и особо активно работали в Ракуло-Кокшен[ьг]ском, Ульяновском и Лиходиевском сельсоветах. Они активно участвовали в охране общественного порядка, в раскрытии преступлений и в задержании преступников, они ездили со мной на задержания и опасных уголовных преступников. Например, в центре моего участка хорошо работали, и на гулянья молодежи никогда один не выходил, а всегда с группой осодмильцев, а особо были активными тов. *Никитинский* Михаил, *Мартынов* Степан, *Мартынов* Василий Афанасьевич, *Мартынов* Афанасий, *Варлыгин* Николай Иванович, *Савинский* Иван и другие. *А в честь 16[-ой] годовщины Советской милиции в 1933 г. 10 человек осодмильцев были награждены ценными подарками.* Им выдали по черной суконной шинели, а меня [наградили] *50 рублями денег. Бывший осодмилец Мартынов Василий Афанасьевич в настоящее время⁷ проживает в гор. Вологда на ул. Урицкого, дом № 116-120.*

По этому участку мне запомнились следующие интересные дела и задержания преступников. В Ульяновском с[ель]совете долгое время скрывался опасный уголовный преступник Никитинский Иван Егорович по кличке Волк. Через осодмильцев за его домом установлено наблюдение. И вот когда он пришел домой, мне об этом быстро сообщили, и я вместе с Мартыновым Василием Афанасьевичем и Кошутиным Николаем на лошади выехал в дер. Устьяновская, там встретились с Зворыкиным и Кошутиным, которые подтвердили, что Волк дома. Мы сразу вошли в дом, на наше счастье, дверь в дом была не закрыта на замок. Когда вошли в квартиру, Никитинский сидел в избе за столом. Его ружье стояло в углу. Войдя в квартиру, я крикнул: «Ни с места! Руки на стол!». А Зворыкину предложил произвести личный обыск. Никитинский нам сдался без сопротивления. При задержании у Никитинского изъяли двухствольное оружие и ножик. Кроме этого, большое количество краденых вещей. Скрываясь в лесу, он занимался кражами вещей и колхозного скота. Дер. Устьяновская расположена в 12 километрах от центра моего участка, но осодмильцы мне сообщили вовремя. За-

⁶ Осодмил – общество содействия милиции, формировалось из населения.

⁷ Речь идет о второй половине 1970-х гг.

держанный мной был конвоирован в райотделение, а потом арестован и был осужден к 10 годам лишения свободы.

В той же деревне скрывался Никитинский Александр. Тоже занимавшийся кражами, совершивший побег из колонии ст[анции] Плесецкая. Никитинский скрывался в лесу и занимался кражами скота. В августе месяце 1933 г. мной с участием общественников был выслежен и задержан в землянке в 4[-х] километрах от дер. Устьяновская, и доставлен в райотделение, и потом осужден. В осень 1933 года при помощи общественности – осодмилецев – мной было вскрыто крупное хищение колхозного хлеба в колхозе «Ракулококшен[ьг]ский». В преступную группу входили: Мужиков Иван Петрович, работающий в колхозе в должности заведующего сельским хозяйством, Зеленцов Григорий, заведующий уч[аст]ка в деревне Низовская и Уласово, Варлыгин Николай, счетовод по сельскому х[озьяст]ву, Варлыгин Иван, бригадир к[олхо]за в дер. Низовская. Осодмилец Савинский мне сказал, что бригадир к[олхо]за Варлыгин и Зеленцов Григорий большое количество хлеба ссыпают в свои амбары, заявляя колхозникам, что амбары якобы обобществлены, три воза ржи во время сдачи хлеба государству свалено и ссыпано в амбар Мужикова Ивана Петровича в деревне Борок, на вопрос Савинского, почему там ссыпают рожь, Зеленцов сказал, что этот хлеб – рожь – у них не приняли, его надо провеять и высушить. Вторично Савинский и Алексей Мартынов сказали, что [что-]то мало в этих бригадах учтено ржи. По их подсчетам, не вся рожь оприходована в бригадах Уласовской и Низовской. Это послужило большим сигналом к тому, чтобы начать проверку. И я, договорившись с председателем промколхоза т. Варлыгиным Алексеем Федоровичем, создали комиссию, куда включили бухгалтера колхоза по лесохимии и актив, всего 5 человек. Заранее я вызвал для переговоров Варлыгина Ивана, комсомольца, сына бригадира колхоза. И в беседе он сказал, что Мужиков Иван Петрович, Варлыгин Николай, Зеленцов Григорий и его отец – Варлыгин Иван договорились между собой в их квартире о краже хлеба. А в момент проверки мной был вызван Зеленцов Григорий, который при допросе признался и сказал, что они по договоренности между собой скрыли от учета 700 суслов ржи, часть помолоченного развезли по частным амбарам, а к окончанию обмолота весь хлеб – рожь – будет похищена. При обследовании и проверке данные материалы по[д]твердились. Мной по делу было проведено следствие и через прокурора передано в нарсуд. И все – Мужиков Иван Петрович, Зеленцов Григорий, Варлыгин Николай и Варлыгин Иван – осуждены нарсудом Вельского р[айо]на по закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы каждый.

В ноябре 1933 года мне сообщили о том, что бывший стражник Мартынов Григорий, приехавший в дер. Низовская Ракуло-Кокшен[ьг]ского сельсовета из гор. Архангельск, имеет револьвер системы наган, и они намерены убить нарсудью тов. Новикова Ивана Михайловича, который часто приезжал для разбора дел в Ракуло-Кокшен[ьг]ский с[ель]совет. При встрече в дер. Борок в 250 метрах от сельсовета я встретил Мартынова с его другом, тоже приехавшим из гор. Архангельск,

Исаевым Павлом. Они шли в сторону с[ель]сов[ета]. Встретив Мартынова, я остановил его и тут же вынул у [н]его из кармана револьвер, а потом мы зашли в контору промколхоза «Ракулококшен[ьг]ский», и я оформил протокол личного обыска и изъятия револьвера. Мартынов мной был задержан, но вечером приехал из гор. Вологда сотрудник ОГПУ Александров, по имени не знаю. Он допросил Мартынова и отпустил его, а наган у меня взял и увез. Мартынов сразу же уехал в Архангельск, а мне было написано письмо, [мол,] жди расплаты. Письмо я получил и передал нач[альни]ку РОМ Минюхину. Но вот после этого Мартынов и другие, встретив Новикова, избili его так, что он на всю жизнь остался калекой. Это было весной 1936 года в гор. Архангельск.

В декабре 1933 года в дер. Низовская Ракуло-Кокшен[ьг]ского с[ель]сов[ета] мной был задержан кулак Мартынов Афанасий за уклонение от выполнения задания по лесозаготовкам. Ранее, в осень 1932 года, мной у Мартынова был изъят жеребец, телка и около 10 мешков хлеба. Тогда Мартынов, угрожая, на меня махался топором. Все изъятые сданы в сельсовет на покрытие налога и обязательных поставок. Мне надо было срочно съездить в деревню Ровдино Держинского с[ель]совета, а поэтому задержанного Мартынова я отправил под конвоем сельского исполнителя⁸, который был обязан Мартынова доставить в Р[акуло]-Кокшен[ьг]ский с[ель]сов[ет], в центр моего участка. Но, выехав из деревни, сельский исполнитель Мартынова отпустил, а сам уехал в лес к лесхимустанкам, где колхозники варили смолу. Приехав в сельсовет около 21 час[а], Мартынова в сельсовете не было, и его туда никто не привозил. Дер. Низовка от сельсовета находится в 7 километрах, и я один сразу же поехал в дер. Низовская за Мартыновым. Подъехав к дому, я привязал к изгороди лошадь и, подойдя, постучал в дверь. Вскоре вышел в сени Мартынов и, открыв дверь, сказал: «Заходи». Я ему предложил идти вперед и сам пошел за ним. А когда я зашел в избу, то Мартынов схватил топор и, подняв его к потолку, замахаясь на меня, закричал: «Зарублю!». Я схватил за топор и вырвал его из руки Мартынова. Топор при взмахе попал в окно. Окно – стекло разбило, и топор вылетел на улицу. Мартынова, взяв за руки, я посадил на лавку и предложил одет[ь]ся, и Мартынов начал одеваться, но в это время из комнаты выскочили его два сына, Николай и Иван, причем Иван был ранее осужден к 10 годам за убийство и бежавший из лагерей со ст[аниц] Плесецкая. У Николая в руке был топор. И вот тут все решилось секундами, медлить было нельзя. Я произвел выстрел из нагана в потолок, и Николай бросил топор, и по моему предложению все мужчины Мартыновы, а их было трое, сели в угол на пол, а женщины две – на лавку. Тут же я их предупредил: «При малейшем движении стреляю». И так в ночное время я один их охранял около 30 минут, но время, казалось, что прошло не одни сутки. Одному в ночное время конвоировать тоже было опасно. Но мне и здесь повезло. В 12[-м] часу ночи около дома Мартынова шли с вечеринки ребята-комсомольцы Варлыгин Николай, Савинский

⁸ Сельский исполнитель – лицо, содействующее милиции в охране общественного порядка.

Иван и другие. Они остановились около моей лошади, я им постучал в окно, и они все вошли в избу ко мне. При помощи этих ребят я Мартыновых увез в сельсовет, они меня с Мартыновыми провожали до места, а из сельсовета я сообщил о случившемся нач[альни]ку Вельского РОМ тов. Минюхину, и он из Вельска послал конвоиров. И Мартыновых конвоировали в Вельскую тюрьму. Для справки: сын Мартынова Афанасия Николай Афанасьевич, судимый за убийство, совершил побег из лагеря ст. Плесецкая, но у нас в то время ориентировки еще не было, а Иван приехал со ст[анции] Няндомы. Следствие по делу вел нач[альник] УР Вельского РОМ Киселев. И все трое осуждены.

Весной 1933 года нарсудом Вельского р[айо]на по закону от 7 августа 1932 г. за хищение колхозного скота и хлеба был осужден [преступник], по фамилии не помню, по кличке Мараня к 10 годам лишения свободы. Но во время конвоирования из суда на площади, где было много народу, от конвоя совершил побег. Скрывался на родине в лесах Устькулойского с[ель]совета. Нач[альник] райотделения милиции т. Минюхин задержание этого преступника возложил на меня, так как он скрывался на территории моего участка. [Верхне]-Устькулойский с[ель]сов[ет] выезжали сотрудники УР Киселев, Басов, Теплухин. На установление места, где скрывался Мараня, была ориентирована вся общественность этого сельсовета. В июле месяце 1933 года поступил сигнал о том, что Мараня приходил в ночное время к жене в свой дом. И я, одевшись в гражданскую одежду, ушел в В[ерхне]-Устькулойский с[ель]сов[ет] в дер. Маслово и остановился у конюха колхоза Рогозина Ивана. Утром на третий день сообщил Будихин о том, что Мараня скрывается на покосах в сарае, и я рано утром пошел в лес на те покосы, где находится преступник. Пройдя поле, встретил жену Марани. Она шла из лесу, но я шел стороной около дороги, и она меня не заметила. Осматривая сараи, в 3[-м] сеновале, как мне сказал Будихин, я увидел Мараню, спящим на клочке сена. Около [н]его лежал топор, я ему крикнул: «Ни с места!» – топор оттолкнул ногой, а потом предложил ему лечь на живот и связал ему ремнем руки, а потом предложил встать и повел его в В[ерхне]-Устькулойский с[ель]сов[ет]. В сельсовете он ругал себя за то, что сдался, считал, что нас пришло не один я, а группа работников милиции. Из сельсовета я позвонил начальнику райотделения, а он мне приказал охранять Мараню, а ко мне в сельсовет выслали конвой. А потом через 5 часов прибыли конвоиры: Макарьин Николай, Худяков и Горбунов. Они трое и увели в Вельск Мараню. Расстояние от В[ерхне]-Устькулойского с[ель]сов[ета] до гор. Вельск было 27–28 километров, идти надо было лесом. Во время конвоирования Мараня сделал попытку на побег, но Макарьин в него произвел выстрел и убил, за что, как бы за превышение власти, Макарьин был осужден к 4 годам л[и]шения свободы.

4 апреля 1935 года я был командирован в Ленинградскую школу старшего нач[альствующего] состава милиции. А по окончании школы командирован на работу в Междуреченское⁹ РО НКВД на должность

пом[ощника] опер[ативного] уполномоченного УР¹⁰ с 1 сентября 1936 года. Начальником РО НКВД работал ст[арший] лейтенант госбезопасности т. Быков Александр Иванович. Нач[альни]ком райотделения милиции был Марковский Феодосий Иванович, это был опытный и знающий работу нач[альни]к. Он был требователен к себе и подчиненным. Под руководством Марковского и [с] его непосредственным участием я выезжал в командировки на задержания опасных преступников. В Междуреченском р[айо]не мне запомнились следующие, на мой взгляд, интересные дела.

На 3[-й] или 4[-й] день моего приезда в 01 [час] ночи меня в райотделение вызвал нач[альни]к РО НКВД тов. Быков и мне предложил срочно выехать в деревню Сенькино Палкинского сельсовета на происшествие. Ему сообщили по телефону об убийстве женщины по фамилии Калистратовой. Деревня Сенькино была в 15–17 километрах от с. Шуйское, в стороне от тракта за перелесками. Дороги я не знал, ехать надо было верхом на лошади. Послать со мной было некого, и Быков начертил мне на листе бумаги план, каким путем ехать в дер. Сенькино. Ночь была темной для освещения. Когда надо было посмотреть на план, как ехать, я имел коробок спичек. До дер. Куимово доехал хорошо, но потом много блудился в лесу, там было несколько разных дорог, вернее, отворотов в разные стороны. На место происшествия в дер. Сенькино я приехал в 4 часа утра, из лесу выехал на лай собак и уже с другой стороны. В деревне встретил секретаря Палкинского с[ель]сов[ета] т. Балаева и председателя колхоза, по фамилии не помню. В своем доме на кухне была убита женщина 40 лет по фамилии Калистратова (по имени не помню) ударом топора по голове. Топор лежал на полу около убитой. Отправив труп для медосвидетельствования в Шуйскую районную больницу, приступил к розыску лица, совершившего убийство. В течение дня были опрошены почти все соседи в деревне. Кроме этого, нам сказали, что у убитой похищены ценные вещи, деньги. При опросе соседей установили, что она, убитая, ранее проживала с украинцем, ранее неоднократно судимым за разные преступления, но больше года как он исчез из деревни и ни разу не появлялся. На второй день нам сказали, что ходили в лес и этого мужчину видели в лесу на покосах ранее, еще до убийства Калистратовой, и мы с участковым уполномоченным милиции, который приехал утром, и секретарем с[ель]сов[ета] Балаевым ушли в лес. В лесу в местечке по речке Чернава мы проверяли стога и сараи, но долго ничего не могли установить. На ночь расположились спать в сеновале, но, когда уже стемнело, уч[астковый] уполномоченный Купавин, выйдя на волю, услышал запах дыма. Мы вышли из сарая и пошли туда, откуда тянуло по воздуху дым. Пройдя примерно 300–400 метров, мы увидели на опушке леса костер огня, и около костра сидел мужчина. Мы ак[к]уратно без шума подошли к этому мужчине с двух сторон. Подойдя, Балаев узнал его. Это был тот мужчина, который ранее проживал с Калистратовой. Вначале он делал попытку от нас совершить побег, но мы его тут же задержали, а в беседе он признался в убийстве и пока-

⁹ Междуреченский район с 1937 г. входил в состав Вологодской области.

¹⁰ УР – уголовный розыск.

зал место, где скрыто похищенное в лесу. Убийца нами был доставлен в РО НКВД. Следствие по делу вел я.

В октябре или ноябре месяце 1936 г. в дер. Наместово Шилен[г]ского с[ель]сов[ета] в ночное время неизвестным преступником было совершено убийство бригадира колхоза Макарова. В райотделение по телефону поступило сообщение об указанном убийстве. Дер. Наместово от райцентра находится в 35–38 километрах, самый лучший и быстрый транспорт в то время была лошадь, и я верхом на лошади по приказанию нач[альни]ка РОМ Марковского Ф.И. выехал в дер. Наместово. Когда приехал на место происшествия, там уже был участковый уполномоченный РОМ Бритвин Василий. Приехав на место к вечеру, я приступил к осмотру места происшествия, туда же со мной приехал врач Шуйской больницы Демин Василий Ильич. Когда приехали, труп Макарова лежал на месте убийства, около дома, где жил Макаров. На трупе было обнаружено несколько ножевых ранений. Со слов председателя колхоза, Макаров накануне этого дня был в колхозной конторе, где было заседание правления колхоза, из конторы он ушел в 12 часов ночи. Макаров характеризовался хорошим бригадиром, его поведение было хорошее, но к колхозникам был требователен. Как впоследствии выяснилось, Макаров был убит во время следования домой из конторы колхоза около 24 часов. На месте происшествия ничего обнаружено не было, и кто совершил убийство – было неизвестно. Об этом я вечером доложил по телефону начальнику райотделения, а он мне сказал, пока убийцу не найдем, домой и в райотделение не приезжать. На второй день, а и в первый мы работали всю ночь, вызывали в контору колхоза граждан этой деревни. Кто совершил убийство, никто нам сказать не мог. Но на третий день в поле был найден нож самодельный большого размера образца финки, на ручке ножа около лезвия были обнаружены следы крови. В деревне же нам сказали, что такие ножи изготавливает кузнец Волохов из дер. Красково и такой нож видели у председателя колхоза «Новая жизнь» – у Шестерикова Вячеслава Михайловича. Было установлено, что Шестериков – пьяница, и в ту ночь они пьянствовали в деревне Наместово. Нож нами был предъявлен кузнецу Волохову, и он назвал фамилию человека, кому был скован этот нож. Нами после этого был допрошен Шестериков, но он все, что и знал, вначале по делу отрицал. Но нами была вызвана хозяйка дома, где пили ночь Шестериков и другие, и хозяйка этой квартиры нам дала хорошие показания о том, что прибыл с лесозаготовок колхозник Шалыгин или Шалимов. Он в этой компании пил и пьяный высказывал обиды на Макарова. Ему же был изготовлен этот нож Волоховым. Мы задержали этого колхозника и работали с ним всю ночь в конторе колхоза, а наутро он в совершенном убийстве признался, причем его жена нам принесла утром уже пиджак с пятнами засохшей крови. И так убийство было раскрыто, а преступник арестован и потом осужден.

В сентябре или октябре месяце 1936 года в районе появился особо опасный преступник, судимый по ст. 59 [ч.] 3 УК РСФСР за бандитизм сын кулака Вошкин Николай из дер. Воротилово Шейбухтовско-

го с[ель]сов[ета]. В дер. Воротилово проживала его мать Вошкина Ольга или Александра, точно не помню. В то же время из лагеря было получено розыскное требование на розыск Вошкина, бежавшего из лагеря. По розыску и задержанию Вошкина мы вместе с нач[альни]ком РОМ Марковским выезжали неоднократно. За домом, где проживала мать Вошкина, и местами, где он мог появит[ь]ся, было установлено наблюдение. Тогда же были получены сведения: Вошкин скрывается в лесу. Вскоре нам сообщил пред[седатель] колхоза Губанов о том, что Вошкин ночью пришел к матери и находится дома. И мы: Марковский, а он был очень смелый, я и еще проводник служебной собаки выехали в дер. Воротилово, но лошадой оставили в дер. Юркино. Это соседняя деревня. Все трое мы были одеты в гражданскую одежду. В деревне мы с Марковским вошли в избу Вошкиных, а Решетников с собакой остались на улице. Когда вошли в избу, Вошкин лежал на лавке около стола. Вначале он сделал попытку выскочить в окно, но было уже поздно. Марковский ему крикнул: «Ни с места!». И он был задержан. При задержании у Вошкина был изъят пистолет системы смит-ве[с]сон и кованный нож большого размера. Вещей два чемодана, взятых им у двух женщин на ст[анции] Стеблево.

Начальнику РО НКВД В[ологодской] о[бласти] тов. Быкову Александру Ивановичу поступило сообщение из Никольского лесопункта, который расположен в местечке Растовик в 50 км от райцентра, о том, что в лесопункте двое рабочих, Жбанов и Волков, избивают в лесу рабочих, отбирают у них хлеб и другие продукты и вещи. Живут в лесу в землянке, в барак к рабочим не идут. И был случай на собрании рабочих лесорубов. Жбанов и Волков учинили и дебош, и выгнали силой из-за стола нач[альни]ка лесопункта Сухарева, и вытолкали его из барака на улицу. И собрание сорвали. Это было в зиму 1936/37 года. В Никольский л[есо]пункт Быков командировал меня. Прибыв в лесопункт, я установил, что в лесопункте скрывался бежавший из заключения Жбанов, судимый по статье 59 [ч.] 3 и 58 [ч.] 10 УК РСФСР, и с ним ранее судимый за хулиганство Волков, оба из деревни Саранцино Лаврентьевского с[ель]сов[ета] Междуреченского района. Факты ограбления и избивания рабочих подтвердились. Работали они в квартале в 11 км от местечка Растовик. Десятником в лесопункте был Смолин Павел, член ВКП(б), уроженец дер. Баландино Октябрьского с[ель]с[овета]. Он и оказал мне помощь в задержании Жбанова и Волкова. По прибытии в лесопункт мы со Смолиным ушли в делянку, где заготавливали лес. В делянке пригласили рабочих покурить, туда же пришли Жбанов и Волков. И во время перекура я их задержал. Вначале Жбанов делал попытку оказать сопротивление, схватил было топор, но Смолин у [н]его из рук топор взял и бросил в сторону. При задержании у Жбанова было изъято ружье двухствольное центрального боя, с ружьем он всегда ходил в лес. Задержанные были доставлены в барак. Конвоиров вызвать в помощь не было возможности. Не было телефона, и в Шуйск Жбанова и Волкова, посадив в сани, конвоировал я один. Следствие по их делу вел нач[альни]к РО НКВД В[ологодской] о[бласти] ст[арший] лейтенант госбезопасности т. Быков А.И.

В осень 1930 года в дер. Палкино Палкинского с[ель]сов[ета] было совершено зверски дерзкое убийство батрака красноармейца Дыбова из дер. Кожевниково того же Палкинского с[ель]сов[ета]. В ночное время, около 23 часов, Дыбов был вызван на волю с праздничного вечера молодежи, за дом, а когда он пришел в указанное место, на него была накинута петля из веревки, и двое убийц верхом на лошадях галопом поехали в лес. И так его тащили по земле на веревке в лес 4–5 километров, а потом, уже мертвого, его тело заложили в костер дров и хвороста и зажгли, а потом обгорелый труп тут же около костра зарыли в землю. Убийство вскрыто не было, следов преступления было не обнаружено. Но потом было подозрение на кулаков Тюковых, Ивана и Николая, из Враговского с[ель]сов[ета]. В конце 1936 года нами были получены сведения о том, что племянник Тюковых Жаворонков, работавший в Междуреченском райисполкоме в должности заведующего общим отделом, знает, кто и как совершил убийство. При вызове Жаворонкова в райотделение [он] заявил, что он об убийстве ничего не знает и сказать ничего не может. Нами эти сведения были перепроверены, и они подтвердились. Над делом работали о[пер]уполномоч[енный] РОМ Нехнаев Николай Северьянович и я. Чтобы расположить Жаворонкова к нам, я несколько раз с ним ездил в командировку в колхозы по линии РК ВКП(б). Кроме этого, нами была проведена беседа с секретарем райисполкома тов. Егиным с тем, чтобы и он, взяв под влияние Жаворонкова, тоже склонял его на откровенность по этому делу. Жаворонков и Егин жили в одном доме. В командировке в Палкинском сельсовете, за чаем у секретаря Палкинского с[ель]сов[ета] Балаева Жаворонков нам сказал, что он знает, кто убил Дыбова, и видел, как Тюков Иван набросил на Дыбова веревку и повезли его в лес. И того же вечера он дал показания и назвал еще 3 свидетелей. После того как были допрошены очевидцы, нами был составлен план проведения операции по задержанию и аресту Тюковых. Задержание Тюковых надо было произвести одновременно, а поэтому я был командирован во Враговский с[ель]сов[ет] на задержание Тюкова Николая, а о[пер]уполномоч[енный] Нехнаев в Шиленгский лесопункт на задержание Тюкова Ивана. Тюкова Николая я задержал и доставил в райотдел того же дня. Но Нехнаев, будучи в командировке в лесопункте Шиленга, напился пьяным, привез Тюкова в Шуйское. Сам лег спать на конюшне сберкассы, а Тюкова отпустил. Он [Нехнаев] на второй день на работу не явился, а я задерживал Тюкова, и он мне оказал сопротивление: набросился на меня с ножом в руке. Но я нож у [н]его выбил и Тюкова задержал. Оба Тюкова осуждены.

Весной 1937 года Серов Михаил из дер. Юркино Шейбухтовского с[ель]сов[ета], будучи рабочим-рубриком Двиничского лесопункта Междуреченского леспромхоза, в бараке рабочих, напив[шись] пьяным, учинил дебош, разбил керосиновую лампу и ударил рабочего, а назавтра ему сказали, что сообщено в милицию, и Серов, боясь ответственности, убежал и стал скрываться в лесу. Потом встретив Черницина Михаила тоже из дер. Юркино, и оба ушли в лес. А скрываясь в лесу, Серов и Черницин совершали

кражи и ограбления граждан, причем Черницин вооружился ножом большого размера, а Серов приобрел ружейный обрез. При ограблениях выходили на дорогу в масках, сшитых из овчины. В основном-то они отбирали у женщин деньги и продукты питания по дорогам. Ограбленных запугивали расправой, если они сообщат в милицию. В это же время в райотделение поступили запросы из Лагуправления УМВД о побеге из лагеря Белухина из дер. Турыбанино Шейбухтовского с[ель]сов[ета] и Охорзина Михаила из дер. Воронцово того же сельсовета. И нам уже стало известно, что Охорзин и Белухин встретились с Серовым и Чернициным. Деревня Воронцово была за речкой Шейбухтой, около леса. В деревне было 8 домов, но там жила в одном доме старушка Охорзина, мать бежавшего, а в 7 домах никто не жил, и они были с заколоченными окнами. Мы снова с нач[альником] РОМ т. Марковским выехали в командировку в Шейбухтовский с[ель]совет, где установили места возможного появления вышеуказанных лиц, их связи, ориентировали общественность. По сигналу мы с Марковским выходили в лес от дер. Павшино в сторону дер. Андреевская Февральского с[ель]сов[ета]. Но в лесу нашли разломанный шалаш и под ветками несколько сумок женских хозяйственных и брошенные вещи. Как потом выяснилось, эти вещи и сумки Серов и Черницин взяли при ограблении. По ограблениям мной были допрошены потерпевшие, и возбуждено уголовное дело. Через несколько дней ко мне на квартиру ночью пришел Маков Николай из дер. Турыбанино и сообщил, что Белухин и Охорзин скрываются в дер. Воронцово в нежилом доме, о чем я доложил начальнику РОМ. И мы сразу же, не теряя времени, выехали в деревню Воронцово и там задержали Белухина и Охорзина в нежилом доме рядом с домом Охорзиных. В дом я проник через крышу, а Марковский остался около дому на улице. Когда вошел в избу, Белухин и Охорзин сидели на лавке, я им крикнул: «Ни с места!», и они сдались. Тут же изнутри помещения открыли двери, ко мне в дом вошел Марковский. С ним же мы и конвоировали задержанных. На задержание Серова и Черницина мы выезжали часто, я бродил по лесу, но было безрезультатно, но в конце июля месяца 1937 года я зашел в контору колхоза «Перелом» в дер. Марковское Шейбухтовского с[ель]сов[ета]. В конторе никого не было, и я был намерен отдохнуть, но ко мне пришла Марюкова Анна и сообщила, что несколько минут как она видела Серова, он шел на лугах около р. Шейбухта и от дождя зашел в овощехранилище около дер. Павшино. Раздумывать было некогда, и я сразу же пошел к овощехранилищу. Лил дождь. Подойдя к овощехранилищу, я а[к]куратно открыл в него дверь, Серов в овощехранилище крепко спал. Под головой из-под фуфайки был виден обрез, а рядом стоял небольшой чехол с вещами. Я сразу же взял обрез и выдернул у Серова из-под головы, одновременно крикнул: «Ни с места! Милиция!». Обрез ружейный был заряжен на два патрона. Потом ему предложил встать, тут же из чехолана взял нож и маленький топорик. Когда Серов встал, я оборвал у его брюк все пуговицы, так идти надо было по полю узкой тропой, а в поле была рожь. Когда мы вышли на улицу из картофелехранилища и

Серов понял, что я был один, отказался идти и делал попытку оказать сопротивление. Пытался меня ударить, но идти я его заставил и так привел в дер. Марковское, в контору колхоза, а оттуда конвоировал в райотделение. Через 3 дня я задержал Черницина в дер. Юркино в доме его матери. Черницин никакого сопротивления мне не оказывал, а пока я его вел 14 км до райотделения, он мне рассказал, как, где и когда они с Серовым совершили кражи и ограбления. Всего ими было совершено 21 ограбление, за что они оба привлечены к уголовной ответственности по статье 59 [ч.] 3 УК РСФСР. Оба осуждены спецколлегией областного суда к 10 годам каждый. Следствие по делу вел я.

В лето 1937 года на территории Палкинского с[ель]сов[ета] скрывались в лесу и занимались кражами и грабежами Бакулин Михаил из дер. Кожевниково Палкинского с[ель]сов[ета] и Топленин Михаил из дер. Верховье Враговского с[ель]совета. Оба судимые за кражи и хулиганство. Это были опасные бандиты и преступники. Они в большинстве совершали кражи и грабежи на территории Грязовецкого и Вологодского р[айо]нов. Скрываясь в лесу по речке Чернава, они имели большие связи с местным населением, так они вовлекли в преступные связи Сулоеву Екатерину и ее брата, Сулоева Афанасия, из деревни Щеткино Палкинского с[ель]сов[ета]. Вскоре ими был вовлечен и вместе скрывался Скрепков Василий из дер. Кожевниково. С ними же имели связи Калистратов и Скворцов из дер. Сенькино Палкинского с[ель]сов[ета]. Эти Калистратов и Скворцов (по имени не помню) доставляли Бакулину и Топленину хлеб и боеприпасы, так как они имели ружья и, унося из лесу, сбывали вещи, добытые преступным путем. Большое количество вещей сбывала сестра Топленина – Топленина Любовь. В середине лета, примерно в июле месяце 1937 г., комсомольцы Балаев, Петухов и Зелянин выслеждали всю группу преступников в дер. Вахрушево Палкинского с[ель]сов[ета] в доме сектантки Масловой. Здесь они, войдя в дом утром, пьянствовали. Установив за домом Масловой наблюдение, Балаев верхом на лошади приехал в с. Шуйское в райотделение. В райотделении никого, кроме меня, не было. Марковский был в Вологде, о[пер]уполномоченный Пригов Васил[ий] Михайлович был в командировке. Я вызвал проводника служебно-розыскной собаки Решетникова, предложил ему быстро собираться и ехать с собакой в деревню Вахрушево, а сам сел на лошадь и, не дождавись Решетникова, выехал верхом на лошади. Лошадь оставил рядом в деревне; вместе с Балаевым и почти бегом бежали в дер. Вахрушево к дому Масловой. В момент нашего прихода к дому из дома вышло 5 человек: Бакулин, Топленин, Скрепков и Сулоевы, Афанасий и Екатерина. Наблюдение за домом вели Петухов и Зелянин, и Петухов, увидев, что через двор в дверь выходит вся группа, крикнул: «Стой!». Но Скрепков из ружья произвел в сторону Петухова выстрел, и весь заряд около [н]его попал в березу. Подбегая к месту, где был произведен выстрел, я произвел ответный выстрел и попал в руку Скрепкова, ружье у [н]его из рук выпало, но задержать нам удалось 3[-х] человек – Скрепкова и Сулоевых, а Бакулин и Топленин скрылись в лес. Через 30

минут приехал Решетников с собакой, но собака след не взяла, так как пошел дождь. После этого в июле или августе месяце 1937 года в дер. Игумницево мной была задержана Топленина Любовь. Она шла на ст. Туфаново и несла два больших чемодана вещей для продажи в Вологде на базаре. Вещи у [н]ее были добытые при кражах и ограблениях граждан Топлениным и Бакулиным. Задержав Топленину, допросил ее. Она рассказала, что вещи продавать ее послали Топленин и Бакулин, и сказала, что они находятся в лесу в сеновале на р. Чернава. До райцентра от дер. Игумницево было 32 км. Дождавшись вечера, я с Топлениной поехал на лошади в райотдел в с. Шуйское, а, переждав в Шуйске день, вечером мне дали в помощь двух участковых инспекторов – Купавина и Зубова. Я вместе с Топлениной пошел в лес, идти надо было 30 км. Топленина нам показала сеновал, в котором, как она сказала, должны быть бандиты Топленин и Бакулин. Подойдя к сараю, мы крикнули: «Выходи! Милиция!». Из сарая через крышу последовал выстрел и тут же второй. Я имел при себе винтовку и произвел выстрел вверх. После этого из сарая крикнули: «Не стреляйте, сдаемся, мы охотники!» – и из сеновала, подняв руки вверх, вышли двое мужчин. А когда я вошел в сеновал, Топленина и Бакулина не было. Они, давая задание нами задержанным Скворцову и Калистратову из сарая без шума не уходить, а сами спать уходили в другой сеновал на километр дальше, а услышав шум и выстрелы, скрывались в лес. При осмотре сеновала нами было обнаружено большое количество вещей, продукты, три ружья, к ним боеприпасы и под кустом в бочке около 30 кг мяса. Все это было на двух лошадях, взятых в колхозе, отправлено в райотдел. Задержанные Скворцов и Калистратов при допросе признались и показали о том, что они снабжали бандитов, Топленина и Бакулина, продуктами питания, оружием и боеприпасами, сбывали от них похищенное и, были случаи, участвовали в кражах и грабежах. И все трое – Топленина Любовь, Скворцов и Калистратов арестованы и потом осуждены к 8 годам л[и]шения свободы каждый. Следствие вел я. В борьбе с этой группой бандитов, как видно, мы тоже имели серьезные недостатки. После этого Топленин и Бакулин из нашего района уехали, как потом выяснилось, на ст. Шарья Кировской железной дороги, и обратно в район появились в ноябре 1937 г., и, встретив ехавшего на лошади ст[аршего] о[пер]уполномоченного РОМ Пригова около дер. Куимово, учинили стрельбу. К счастью, Пригов не был ранен, но он ранил в ногу Бакулина, и опять же оба скрылись. Задержать их Пригову не удалось. Через несколько дней нам Балаев сообщил о том, что бандиты находятся в деревне Куимово Палкинского с[ель]сов[ета] в сарае. По этому сигналу мы с Приговым срочно выехали. Приехал в дер. Куимово нам Балаев показал сарай, и мы, войдя в него, крикнули: «Выходите, стрелять будем!». Вначале нам ответили, [что] стрелять будут они, но я быстро забежал на солому и у Бакулина вырвал из рук ружье, хотя в это время из ружья произошел выстрел, но все обошлось благополучно, а после этого Бакулин и Топленин на[м] сдались. При задержании и Бакулина, и Топленина нами изъято два охотничьих ружья, писто-

лет системы смит-ве[с]сон и два чемодана вещей. Следствие по делу вел я. Оба, Топленин и Бакулин, осуждены особым совещанием НКВД в гор. Архангельск к высшей мере наказания – рас[с]стрелу. На этом совещании все материалы по делу докладывал лично я. Это была последняя командировка в Архангельское УНКВД С[еверной] о[бласти].

8 ноября 1937 года была совершена крупная кража вещей в квартире в дер. Поткино Шейбухтовского с[ель]сов[ета]. Люскова в то время работала заместителем зав. свинофермы колхоза «Буде[н]новец». Зав. фермой была Корюкина Манефа Владимировна, депутат Верховного Совета СССР. Впоследствии Люсковой было присвоено звание «Героя Социалистического труда» и тоже избиралась депутатом Верховного Совета СССР. В райотделение о краже было сообщено утром 9 ноября 1937 г., причем о случившемся сообщила Корюкина. Нач[альник] РОМ Марковский вызвал нас с о[пер]уполномоч[енным] Нехнаевым и предложил немедленно выехать в командировку в Шейбухту. Дер. Поткино от райцентра находится в 17 километрах. И мы с Нехнаевым выехали на лошадях верхом. Приехав в дер. Поткино и осмотрев место происшествия, установили, что кража совершена через окно в отсутствие хозяев дома. Из квартиры были унесены почти все носильные вещи и ценности. Но кто совершил кражу – было загадочным, и никто нам из соседей ничего не сказал, даже не было высказано подозрений. Никаких следов на месте преступления обнаружено не было. О[бо] всем того же дня вечером я доложил по телефону нач[альнику] РОМ т. Марковскому, а он мне сказал так, [что] пока не раскроем кражу, домой не приезжать. Вечером около 20 часов, побеседовав с Нехнаевым, я выехал в Нозьменские Исады на пристань для проверки граждан, ожидающих парохода. Нозьменские Исады от дер. Поткино находятся на ра[с]стоянии 14 километров. На пристань приехал около 12 часов ночи. Осмотрев ожидающих парохода в комнате отдыха на пристани, я подозрительных лиц не заметил, но в беседе мужчина мне сказал, что в дер. Исады он видел неизвестного мужчину с мальчиком 13–14 лет. Они несли в мешках вещи и ему предлагали купить простынь и одеяло, но он от покупки вещей отказался и мне сказал, что они зашли в деревне в дом. Они же мужчине сказали, [что] едут в Вологду, но на пристани их нет. Пробыв на пристани ночь, я в 7 часов утра выехал в дер. Исады, эта деревня находится в одном километре от пристани. Приехав в дер. Исады, я зашел в дом к бригадиру колхоза, он мне сказал, что в деревне есть мужчина, который продает разные вещи, и с мужчиной ходит мальчик. Я зашел в дом, где останавливался мужчина, его уже не было, а женщина сказала, что он с мальчиком пошел в с. Старое. Тут же она мне показала вещи, купленные у мужчины, и я по платку цветному понял, что это вещи [у]краде[н]ные у Люсковой. Женщина мне сказала, что этот мужчина у них продал много вещей, и сказала, кому из соседей. Но я быстро сел на лошадь и поехал в с. Старое с тем, чтобы найти мужчину. Приехав в с. Старое, мне сказали, что такого мужчину видели. Они пошли в дер. Ямщики, и я поехал туда, и в поле догнал неизвестных, их задержал и предложил следовать обратно в с. Старое в

сельсовет. В сельсовете осмотрел у [н]его все вещи, часть из них были краденные у Люсковой, и я их изъясил. Лебедева, задержанного, и мальчика допросил, в совершении кражи у Люсковой они сознались и дали показания. Я вызвал конвой и отправил задержанных в с. Шуйское в райотделение, о задержании преступников доложил и нач[альнику] РОМ т. Марковскому, а сам поехал в деревню Исады, где допросил граждан, покупавших у Лебедева вещи, все краденое изъясил и возвратил Люсковой. Лебедев был арестован, а мальчик освобожден под подписки, несовершеннолетних тогда судили с 12-летнего возраста, а мальчику было 14 лет. Оба, Лебедев и мальчик, – из дер. Пиксово Иванищевского с[ель]сов[ета]. Лебедев был привлечен к уголовной ответственности по ст. 162 п. «в» УК РСФСР. Следствие по делу вел я. Лебедев ранее неоднократно судимый за кражи.

В дер. Брунчаково Лаврентьевского с[ель]сов[ета] в 1933 году в своем доме в ночное время было совершено убийство старушки Смоленцевой, а ее имущество похищено. Кто совершил убийство, было не установлено. И начальник РОМ Марковский это дело в 1936 году передал мне. Составив план и разработав новые версии, мне удалось получить ценные сведения. При проверке сведений я установил, что вещи Смоленцевой были перенесены в сарай, где они лежали трое суток. В убийстве соседи в деревне подозревали Упадышева Бориса (племянника Смоленцевой). Позднее были получены хорошие доказательства, и все это подтвердили соседи. Расследованием установлено, что убийство Смоленцевой совершил Борис Упадышев. По делу большую помощь оказала медсестра Боталовской больницы Смоленцева Мария Павловна. Упадышев после совершения убийства из дер. Брунчаково уехал и проживал в местечке Растовик. В 1937 г. Упадышев мной был задержан и арестован. При обыске в квартире Упадышева были обнаружены и изъяты вещи, принадлежащие Смоленцевой. Следствие по делу вел я. Упадышев по ст. 136 УК РСФСР осужден к 10 годам л[и]шения свободы.

В 1936 году в октябре или ноябре месяце я ехал в с. Шуйское из командировки. При въезде увидел неизвестного в то время для меня мужчину, который, выражаясь нецензурными словами, сильно стучал в окно больницы, он же угрожал [убить] врача больницы Демина Василия Ильича за то, что он не впускал в больницу в вечернее время. Я подъехал, и задержал неизвестного, и доставил его в райотделение. При выяснении установил, что это был Кригин Василий из дер. Юркино Палкинского с[ель]сов[ета]. На [н]его в райотделении было возбуждено уголовное дело за хищение колхозной телки, но он скрывался от суда и следствия. В больницу он пришел навестить жену, она лежала в родильном отделении. Кригин нами был арестован, но через год он из лагеря совершил побег, и скрывался в лесу, и на ст. Буй и Шарья, и опять же занимался кражами, и совершал грабежи. В августе месяце 1938 г. Кригин совершил ограбление двух женщин на Стеблево, о чем было сообщено нач[альнику] РОМ Марковскому из Грязовецкого РОМ. Марковский направил меня вместе с Зубовым, уч[астковым] инспектором РОМ, в Палкинский с[ель]сов[ет]. Приехав в Палкинский с[ель]сов[ет], мы

через общественность установили, не приехал ли Кринин к его жене в свой дом. Но Кринина дома еще не было, но потом нам сообщили, что Кринин скрывается в лесу в сеновале около дер. Плюснино Иванищевского с[ель]сов[ета]. Мы быстро ушли в лес. Но когда пришли туда в лес, Кринина в сеновале не было, но там мы обнаружили два чемодана и большой узел вещей. Осмотрев чемоданы и вещи, мы около сарая решили засесть. На следующее утро на рас[с]вете пришел Кринин и только успел войти в сеновал, мы, выскочив из кустов, подбежали к сеновалу, а это было в нескольких шагах, и Кринин нам сдался без сопротивления. Все содержимое в мешке и чемоданах я предложил Кринину. Он вначале отказывался, а потом понес. При задержании у Кринина было изъято двухствольное ружье и вещи, им взятые при ограблении. Следствие по делу вел я. Кринин был привлечен к уголовной ответственности по ст. 59 [ч.] 3 и 162 п. «в» УК РСФСР.

В дер. Холм Иванищевского с[ель]сов[ета] проживал бывший кулак Дуванов Александр Михайлович, который избивал колхозников, а чтобы не заявили в органы милиции, угрожал расправой. Он же занимался хищением колхозного хлеба и скота. По поступившим сигналам мной было проведено расследование, и Дуванов арестован. При аресте у [н]его изъято: револьвер системы наган и пистолет системы смит-вессон большого размера. Следствием установлено, что Дуванов [занимался] хищениями и продажей оружия. Он, когда узнавал, что у кого-то есть оружие, отбирал или выкрадывал, а потом продавал его. Им же был вооружен обрезом от винтовки и револьвером бандит Ермолин Сергей [из] дер. Плюснино Иванищевского с[ель]с[о]вета. Ермолин был задержан и арестован в 1935–1936 году. Но вот после того как Дуванова арестовали, ко мне в Иванищевский с[ель]сов[ета] пришла группа колхозников. Они высказали благодарность за то, что Дуванова арестовали, и дали дополнительный о его преступной деятельности материал. Следствие по делу вел я, а потом дело было передано нач[альнику] РО НКВД т. Конечному. В Междуреченском райотделении мной было вскрыто ряд довольно серьезных уголовных преступлений. В колхозе «Завет» Новодеревенского с[ель]сов[ета] за кражи колхозного скота был арестован Блинов из деревни Оборино. В Космовском с[ель]сов[ете] был арестован сын кулака из дер. Петрищево, он также занимался хищением колхозного скота. Были вскрыты убийства в дер. Брюхово Космовского с[ель]сов[ета]. Здесь труп мужчины был обнаружен в гумне. В дер. Саранцыно Лаврентьевского с[ель]сов[ета] была убита женщина и зарыта во дворе в землю. И ряд других дел. Мной же было вскрыто крупное хищение хлеба и скота в колхозе «Новая жизнь». По делу был арестован председатель колхоза Шестериков Вячеслав Михайлович и другие. Всего 4 человека. Рабочий день в то время был 12 часов и более, а когда требовала обстановка, работали сутками. В Междуреченском райотделении я избирался секретарем парторганизации.

25 ноября 1938 года я из Междуречья был отозван и назначен на должность ст[аршего] оперуполномоченного 3[-го] о[т]деления милиции гор. Вологда, а

13 февраля 1939 года выдвинут на должность нач[альника] 3[-го] о[т]деления милиции. В 3[-м] о[т]делении милиции я работал 10 лет, рабочий день был 12 часов, с 9 ч. до 17 ч. и с 20 ч. до 24 часов, а нач[альники] городских отделений к 24 часам ходили на доклад к нач[альнику] УМ¹¹ УМВД полковнику т. Максимову. Я пишу ходили, потому что в городских отделениях никакого транспорта не было, везде ходили и бегали пешком. А во время войны ходили на доклад к 0–1 час. ночи и возвращались в три часа. Нач[альником] управления милиции был около 10 лет Максимов Юрий Леонтьевич. Это был хороший наставник, он был очень требователен, учил, что и как надо было делать, но если что-то попросит подчиненный, он делал все. В советских и партийных органах Максимов также пользовался авторитетом и доверием. А в городе его знали все. В период Великой Отечественной войны рабочий день был увеличен. Город Вологда был на осадном положении, и дополнительно на органы милиции был возложен контроль за соблюдением светомаскировки. В ночное время хождение по городу разрешалось только лишь по специальным пропускам, о чем было постановление военного совета округа. Наложение наказаний за нарушение светомаскировки было возложено на нач[альников] отделений милиции.

В 1942 году в Вологду прибывало большое количество эвакуированных из гор. Ленинграда: эвакуированные были сильно истощены, и поэтому была большая смертность. Наблюдалось такое. Идет человек по улице, присядет и тут умирает или просто падает на ходу. В городе был тиф, и сотрудники милиции болели тифом. В основном в милиции почти весь личный состав ушли на фронт, и многие *погибли*. Из 3[-го] о[т]деления м[илиции] ушли на фронт политрук т. *Киренков* Владимир, а после [н]его был политруком *Поляков*, эвакуированный из Ленинграда, и тоже ушел на фронт с Вологодским батальоном, и погиб при взятии Тихвина. Ушли на фронт почти все участковые уполномоченные т. *Тарасов*, *Евгеньев Николай*, *Пресленев[?]*, *Богачев*, и все погибли. Милиционеры *Дружинин*, *Кузнецов*, *Максимов*, командир отд. *Смирнов*, милиционеры *Ильин*, *Сальников*, командир взвода *Хазов*, *машинистка Лукенюк* и другие, в общем, 75–80% всего личного состава ушли на фронт. Взамен ушедших на фронт в милицию пришли престарелые и женщины. *В то время общественниками* органов милиции *были бригадмилыцы*¹². Бригады содействия милиции были организованы самими работниками милиции на фабриках, заводах и в организациях. Вместе с работниками милиции по городу патрулировали бригадмилыцы. Такие бригады у нас были организованы: на заводе «Северный коммунарь»: *Могутов* Михаил, *Бураков* Сергей, *Смирнов* Василий, *Макаров* и другие, возглавлял эту бригаду *Могутов*. В артели «Красный факел» было 11–12 чел. В том числе *Перов* Николай, *Бурлаков* Николай. *Перов* после войны работал в органах милиции участковым инспектором. В артели «Венстул» было 10–12 бригадмилыцев, в том

¹¹ УМ – управление милиции.

¹² Бригадмил – бригады содействия милиции, бригадмилыцы – участники этих бригад.

числе Кузнецова Елизавета. На пивоваренном заводе было около 10 бригадильцев, из них Рогов Василий Васильевич, его две дочери, Ия и Капитолина. В военстрое – тоже около 10 чел. Сенакин, Бирюкова, Шахова. Активно работали 3 бригадильца: Редькин, он уходил на фронт, и сейчас проживает в гор. Вологда.

За время работы в 3[-м] о[тделении] милиции я избирался депутатом Вологодского городского Совета. 7 лет был председателем административной комиссии горисполкома, а в войну – чл[еном] оборонной комиссии. По 3[-му] о[тделению] милиции мне запомнились следующие интересные, на мой взгляд, дела. В конце 1938 и в начале 1939 г. в конце ул. Добролюбова и Сибирской, в сторону Сибирских хуторов, насильовали женщин, молодых и старых. Вначале ко мне пришла старше 70 лет старушка с улицы Калашной и заявила, что под силой оружия, около салотопки в лесу, ее изнасиловал молодой мужчина. А через несколько дней пришла 15-летняя девочка тоже с ул. Калашной (сейчас Гоголя) и заявила, что в лесу около салотопки она встретила мужчину, который наставил на нее ружье, заставил лечь и тоже изнасиловал. Она сказала, что она этого мужчину может признать. А потом насильовали женщин в вечернее время на дорогах. Были случаи, что схватят женщину, уташат с дороги в сторону и насильовывают, причем при изнасиловании кусали у женщины лицо. На выявление преступников была ориентирована общественность, розыском занимались и в ОУР УМ УМВД В[ологодской] о[бласти]. Нач[альник]ком уголовного розыска в управлении работал Винц, он хорошо знал эту работу. И мне поступил сигнал – сведения от управдома Сахарова о том, что на улице Подлесной проживает гр[ажданин] (по фамилии сейчас не помню). Работает в управлении Северной железной дороги, часто ходит в лес с ружьем, по приметам и одежде, сходной с тем мужчиной, который, как обрисовывают, занимается изнасилованиями. Мной об этом было доложено нач[альнику] ОУР УМ т. Винц. За этим мужчиной было установлено наблюдение. А потом подозреваемый был приглашен ко мне в кабинет. Он пришел в меховой куртке, но на нем не было меховой шапки, и так [был] предъявлен на опознание потерпевшей, но она вначале сказала, [что] так похож, но точно он ли, сказать не может. Видела она его в то время, когда он проходил ко мне в кабинет. После этого мы принесли с квартиры его меховую пыжиковую шапку, надели на него, подали ружье и поставили около двери. Открыв дверь, попросили девочку, она, взглянув на [н]его, крикнула «Он!» и упала в обморок, а подозреваемый сказал, [что] хватит, он виновен и все расскажет. В кабинете у меня еще был ст[арший] о[пер]уполн[омоченный] ОУР УМ Хонов Иван Павлович. Мы тут же допросили подозреваемого, он взял на себя 8 случаев изнасилований. А, оформив протокол допроса, я по телефону доложил нач[альнику] УМ УНКВД т. Максиму. После этого ко мне приехали секретарь ОК ВКП(б) т. Комаров Павел Тимофеевич и нач[альник] УМ Максимов. Прочитав протокол и задав несколько вопросов виновному, Комаров на протоколе написал «Арестовать», так как этот мужчина был чл[еном] ВКП(б) и работал председателем управления Север-

ной железной дороги. После этого через несколько дней я шел из УМ УНКВД домой, выйдя с моста через р. Вологду, на ул. Добролюбова встретил женщин. Они бежали к реке и кричали: «Убил женщину!». И указали в поле. Я быстро побежал туда с постовым милиционером Соколовым, а подбежав, [увидели, что] около ул. Некрасова неизвестный насильовал женщину. Я взял этого мужчину за воротник пальто и поставил на ноги, а женщина около 60 лет встала и сказала: «Он ничего не сделал», – но по лицу ее текла кровь, он сильно укусил у [н]ее лоб. Женщина работала в этом месте сторожем, ей было около 60 лет. Этого мужчину и женщину мы доставили в отделение милиции. При выяснении личности было установлено, это был Смирнов с улицы Заболотной, дом № 20, освободившийся из мест заключения. Оба насильника имели между собой связи. По одному делу были преданы суду и осуждены по 8 лет каждый. В отделении в то время хорошо и честно работал о[пер]уполн[омоченный] Метляхин Дм. Всевол., о[пер]уполн[омоченный] УР Булдин К.Н. и ст[арший] о[пер]уполн[омоченный] ОБХС Кириличев Григорий. Раскрываемость уголовных преступлений у нас была хорошей. Раскрывали почти все преступления.

В лето 1940 года на улице Чернышевского в доме № 15 проживала Миронова без определенных занятий, в ее комнате собирались молодые девки и разные мужчины, в том числе и военные. Они уходили в город, в ресторане и на вокзале высматривали командировочных мужчин и женщин, подсаживались к ним, входили в доверие и обворовывали. При обыске в комнате Мироновой было обнаружено больше 20 паспортов, скрытых под пол, и другие документы. По делу было арестовано 4 человека. Они и привлечены к уголовной ответственности за кражи.

В 1939 году на Каменном мосту было совершено убийство молодого парня Зернова с ул. Чернышевского, 29. В тот день вечером у нач[альника] Упр[ления] милиции Максимова сидел задержанный Округин Георгий, на все вопросы отвечал криками и нецензурной бранью. После доклада мне Максимов [сказал]: «Забирай его, а куда денешь, дело твое». И я Округина повел, дойдя до ул. Калашной, я его отпустил домой, он у меня спросил: «Верить?» – я ответил: «Верю» – и ушел в отделение. Округин ушел домой, а в отделение пришел к 9 час[ам] утра, как было сказано. Войдя в кабинет, Округин сказал, что они часто собирались на ул. Героев авиации, дом № 6, у Покровских, пьянствовали. И в тот же вечер, когда был убит Зернов, они пили у Покровской. И вот Горушкин на почве ревности на Каменном мосту ударил ножом Зернова. Об этом мной было доложено Максиму по телефону, и Горушкин в убийстве признался. После этого Округин мне помог вскрыть ряд крупных преступлений.

В начале Великой Отечественной войны в 1941 году на ул. Чернышевского в доме № 20 у гр[ажданки]ки Самойловой была совершена крупная кража вещей. Муж Самойловой, майор, был на фронте, и у нее была 4[-х] лет девочка. Самойлова работала в буфете горисполкома, а девочка оставалась дома. На место происшествия выезжала оперативная группа ОУР управления милиции. Они, проверив несколько

квартир, уехали. Но у нас на учете был притон Сечениковых на ул. Краснофлотской в доме № 16. На раскрытие кражи была ориентирована общественность, и вот около 22 часов мне сообщили, что Рукавишникова Вера ушла гулять в краденой меховой куртке и что кражу совершили Рукавишникова, и с Сечениковой Анной, и ее сын Сечеников Борис. Рукавишникова нами была задержана около ресторана «Север» на ул. Папанинцев, сейчас проспект Победы. После этого в квартире и сарае у Сечениковых был произведен обыск. Все краденое было изъято. Сечениковы и Рукавишникова были задержаны и арестованы. Они всего совершили в течение месяца 5 крупных краж.

В октябре или ноябре месяце 1941 года в отделение сообщили из общежития офицеров-летчиков, проживающих на ул. Заболотной, 19, [что] неизвестный гражданин зашел и совершил кражу в комнате, где спал капитан. Этот неизвестный [н]адел обмундирование капитана, взял у него пистолет ТТ с двумя обоймами патрон[ов], планшет. Но в коридоре его встретила уборщица и учинила крик. Тогда неизвестный зашел в туалет и через окно выскочил из 2[-го] этажа. А когда несколько человек офицеров выскочили на улицу в целях задержать преступника, он открыл стрельбу. Тогда они ушли обратно в общежитие и сообщили нам по телефону. Когда мы прибежали, неизвестный скрылся. Я сказал майору: «Почему не задержали неизвестного?» – а майор мне ответил: «Он же из пистолета пуляет». На второй день нам сообщили о том, что неизвестный в форме капитана идет к дер. Доронино, причем там он слоняется с утра. Мы с[о] ст. о[пер]уполномоч[енным] Кириличевым вышли по дороге к дер. Доронино, там нам сообщили ребятам школьного возраста о том, что неизвестный ушел в лес, и показали нам дорогу. И вот за деревней у стога сена мы увидели гр[аждани]на в шинели капитана. Мы были в гражданской одежде. Подойдя к нему, он у нас попросил закурить. Я ему подал бумаги и табак и потом крикнул: «Ни с места!» – а Кириличев взял у [н]его пистолет из кобуры. А когда осмотрели, то под шинелью у [н]его были плохие брюки, мы неизвестному предложили следовать с нами, и он пошел, и привели в отделение. При выяснении личности было установлено, что это был дезертир из Советской Армии, ранее несколько раз судимый, а поэтому задержанный (по фамилии не помню) нами был передан военному прокурору.

Нам стало известно, что Никоноров Юрий, проживающий на улице Комсомольской, 14[-ти] лет, организовал в 1941 году группу подростков и с ними в городе совершали кражи. Через того источника мы установили: эта группа подростков намерены совершить кражу товаров в ларьке около треста очистки на ул. Подлесная, дом № 95. Установив определенную ночь, мной около этого ларька была установлена засада. И вот в 2 часа ночи группа подростков в количестве 4 человек подошли к ларьку, сломали замок, открыли дверь и вынесли из ларька 2 ящика сливочного масла, а потом стали вытаскивать мешок сахару. В это время все 4 подростка были задержаны. Всего в городе ими было совершено несколько краж в ларьках и магазинах города Вологда. У источника в городе были большие связи, и он нам в раскрытии преступле-

ний оказывал неоценимую помощь. Так, в ночное время в складе кооперативного техникума была совершена крупная кража товар[н]о-материальных ценностей. Кто совершил кражу, было неизвестно, никаких следов на месте обнаружено не было. Встретив случайно этого источника, он, выслушав, сказал [что] поможет. Это был Мамотов Анатолий с улицы Некрасова, дом № 36. И вот вечером в 19 часов он сообщил, что все краденое находится в избушке на берегу р. Вологда между деревней Хорхорино и канифольным заводом. Там же находятся и те трое, кто совершил кражу. Все они – приехавшие в Вологду с маршевой ротой в 34[-й] полк из Воркуты и дезертировали на вокзале. Он же сказал, что эти дезертиры намерены уехать в Междуреченский район на пароходе. Мы с оперативными работниками отделения милиции быстро вышли на место и там в избушке задержали трех мужчин. Там же было и краденое, оно изъято и возвращено техникуму, а дезертиры арестованы.

В 1942–1943 годах в отделение пришла женщина из Кубино-Озерского района и заявила о том, что по дороге межд[у] гор. Вологда и деревней Прилуки ее неизвестный мужчина высокого роста ограбил, одет этот мужчина в фуфайку. Едет она в гор. Сокол к мужу, майору, находящемуся в госпитале после ранения на фронте. При ограблении у женщины отобрали чемодан, в котором она везла мужу табак, продукты питания и вещи. Для [н]его это было большим подарком. В военстрое около дер. Прилуки, где сейчас автобаза № 1117, в деревянных бараках формировались воинские части 34[-го] полка, эти части и отправлялись на фронт. Причем сюда очень много привозили для формирования судимых из лагерей из Воркуты. Приняв заявление от женщины, мы с[о] ст[аршим] оперуполномоченным УР Метляхиным пошли в эти бараки. Вначале нас дежурный в помещение не впустил, заявив, что здесь воинская часть, нам делать там нечего. А поэтому мы обратились к командиру полка, и он нам разрешил осмотреть бараки, с нами же была и потерпевшая. В бараке было два яруса нар. Проходя по бараку, женщина признала мужчину, который ее ограбил, и мы изъяли у [н]его чемодан и все вещи, кроме табака. Задержанный нами был передан военному прокурору, а изъятые у [н]его вещи – прокурору.

В те военные годы в гор. Вологда привозили очень много ранее судимых за разные преступления. Из Воркуты и других мест с вокзала они следовали пешком в 34[-й] полк. Во время высадки из вагонов и в пути следования некоторые убежали, а убежав, совершали крупные кражи и ограбления. Бывали дни, что как только приедут штрафники, только в одной заречной части совершалось по восем[ь] и более краж в одно время. Бывало так: зайдет одна женщина в кабинет со слезами – ее квартиру обокрали, а пока ее выслушиваешь, приходило еще по несколько человек с возгласами: «Я по этому – у меня в квартире кража!». Доложив в управление милиции, на розыск краденого и задержание преступников уходили все оперативные работники, участковые инспектора милиции и я с зам. нач[альника] отделения. И вот мне запомнился такой случай. В доме № 20 по ул. Краснофлотской, сейчас Набережной VI армии, жил внизу, где особый вход, лектор Вологодского ОК ВКП(б), фами-

лии не помню. А его жена, бывшая Ширяева, работала бухгалтером на мясокомбинате. В их квартиру зашли 5 человек мужчин и принесли в мешках вещи. Квартира была из 2[-х] комнат, прихожей и кухни. Сам хозяин квартиры был в командировке, и эти мужчины заняли одну из комнат. Хозяйку квартиры взяли под наблюдение и никуда не выпускали. В одной из комнат открыли окно и через окно выходили и заходили, хотя бы дело было зимой. В зиму 1942–1943 года там же в комнате открыли хозяйский сундук и из него тоже выкрали и продали все вещи и ценности. Сбывать вещи ходили по деревням и часто на рынке. Проход в эту квартиру был через узкий проход между квартирой и артелью «Красный факел», а забор в артель был очень высокий и плотный, в общем, было избрано уютное место. А на второй день приехал и сам хозяин квартиры. Его также взяли под охрану и строго предупредили из квартиры не выходить. И так он больше суток сидел в своей квартире под охраной. Нам сообщ[и]ли по телефону из артели «Красный факел» о том, что в доме по соседству с ними находятся неизвестные мужчины и выходят через окно. Получив такое сообщение, мы группой в количестве четырех человек вышли на место и задержали всех 5 человек. При осмотре квартиры выяснилось, что они, кроме краж, совершаемых в городе, обокрали и эту квартиру, унесли и продали все их вещи. При выяснении личностей установили, что это были дезертиры из 34[-го] полка. В прошлом – все судимые за разные преступления, в Вологду прибыли из Воркуты и Ухты. Все 5 человек задержанных были переданы военному прокурору.

В 1942 году в осенний период нам заявили, что на ул. Энгельса в доме № 28 (это маленький одноквартирный домик) совершено убийство, и я *вместе с* [о] ст[аршим] оперуполномоченным *Метляхиным* вышел на место происшествия. По приходу обнаружили в коридоре на полу труп женщины и рядом трупик ребенка в возрасте около одного года. Смерть их последовала от ножевых ранений в грудную клетку и спину. Как потом выяснилось, женщина с ребенком были эвакуированы из гор. Ленинграда. Во время осмотра места происшествия в квартире дома никого не было. Нами для осмотра были приглашены понятые из других домов и, кроме этого, приехала судебно-медицинский эксперт Беляева Галина, отчества не помню. Во время осмотра трупов крикнул мужчина: уходите, а то он будет стрелять, здесь, мол, он разберется сам. Но мы с *Метляхиным* влезли по лесенке на чердак, он нас в этом месте не ожидал, и этого мужчину задержали, а ружье у [н]его, заряженное на два патрона, выбили из рук и изъяли. Это был мужчина около 30 лет, проживавший в этом же доме, он уклонялся от призыва в Советскую Армию и скрывался в своем доме. Его фамилия, как мне запомнилось, *Фадеев* или *Федосеев*. Кроме ружья, у [н]его был изъят нож. На нем и на одежде были следы крови. Этот мужчина нами арестован, в совершенном убийстве под тяжестью улик признался. Следствие по делу вел *Метляхин Д.В.*

В лето 1943–1944 года в совхозе «Заречье» в магазине была совершена крупная кража товаров в ночное время со взломом замков. Осмотрев место про-

исшествия, никаких следов преступления обнаружено не было. На розыск преступников ориентировали подсобные силы и общественность и делали все, чтобы раскрыть преступление. Если требовалось, работали без отдыха. Проверяли базар, вокзал, пристань, проверяли притоны и места возможного появления краденого и преступника. По городу бегали пешком. Ст. оперуполномоченный *Булдин* несколько дней не уходил домой. На 3[-и] сутки нами был задержан в доме № 30 на ул. Краснофлотской в квартире *Кустовой гр[аждани]н Ленский*. Он в квартиру *Кустовой* принес коробку карамели 10 кг, о чем нам сообщили соседи по квартире. В отделении после долгих запирательств в совершении кражи *Ленский* признался и рассказал, где у [н]его скрыто все краденое. *Ленский* проживал без определенных занятий, в Советскую Армию он не призывался ввиду физических недостатков: у [н]его болела нога, и он хромал. *Ленский* нами арестован, краденое возвращено магазину. Следствие вел ст[арший] оперуполномоченный *Булдин*.

Некоторых преступников, а особенно тех, кто занимался кражами, мы знали по почерку – по методу совершения преступления, и особо обладал этим даром тов. *Метляхин*. Можно привести такой пример. За время моей работы в 3[-м] о[тделении] милиции мы 8 или 9 раз арестовали *Роноева*. Он совершал квартирные кражи в отсутствие хозяев, открывал и снимал замки при помощи подбора ключей или отмычек, изготовленных им лично. Проживал *Роноев* у родственников на ул. Подлесной. Кражи всегда совершал крупные, брал ценные вещи и деньги, в квартирах ничего не разбрасывал, старался сохранить тот же порядок. За кражи личного имущества в то время привлекали по ст. 162 «в» УК РСФСР[Р]. Санкция этой статьи была предусмотрена до одного года л[ишения] свободы. И вот всегда: его задержим, арестуем, а судили на 1 год л[ишения] свободы. Бывали случаи, что *Роноев*, выйдя из мест заключения и не успев прописаться, совершает кражу. Выйдя на место происшествия, сразу же высказывали мнение, [что] кражу совершил *Роноев* и никто другой. Сразу же шли к [н]ему на квартиру, осматривали сарай и в сарае находили крадено[е]. Изымали вещи, задерживали *Роноева* и снова привлекали его к уголовной ответственности. Последний раз *Роноев* был нами задержан в 1943 году за дезертирство из Советской Армии с фронта, он же на вокзале совершил ограбление, а на ул. Чернышевского, 68 совершил крупную кражу. Уголовное дело на *Роноева* передано военному прокурору, а судом военного трибунала приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Большую помощь в раскрытии преступлений и задержании преступников нам оказывали военнослужащие из конвойного полка МВД. У них была очень хорошая служебно-розыскная собака. Проводником этой собаки был сержант, а потом старшина т. *Тихомиров*. С их помощью было также раскрыто несколько краж, причем по нашей просьбе к нам на помощь приходили в любое время дня и ночи. Для примера можно привести следующее. В зиму 1945 года около 3 часов ночи нам сообщили, что в магазине Военторга на ул. Чернышевского, доме № 15 совершена кража товаров. На месте происшествия мы обнаружили:

дверные замки были сломаны, товары разбросаны на полу. По заявлению зав. магазином и продавцов, была совершена крупная кража продовольственных товаров. На снегу в палисаде были обнаружены свежие следы человека. Я позвонил дежурному конвойного полка с просьбой оказать нам помощь, и на мою просьбу на место происшествия вышел проводник с[о] служебно-розыскной собакой. И собака, взяв след, пошла в центр города. Через центр нас собака привела к небольшому домику на ул. Осановской. В доме мы обнаружили трех мужчин. Мужчины пили водку из 6-литровой бутылки и закусывали колбасой. Тут же мы произвели осмотр в квартире и в сарайке, и все краденое изъяли, и возвратили магазину. Преступники, совершившие кражу, задержаны и арестованы. Следствие вел ст[арший] оперуполномоченный УР Булдин.

По линии ОБХС в отделении в годы войны хорошо и активно работал ст[арший] о[пер]уполномоч[енный] лейтенант милиции *Кириличев Григорий*. Отделением было вскрыто ряд дел – хищений государственной социалистической собственности. Так, в 1942 году вскрыта группа в количестве 4 человек, в том числе Спасская, работающая в типографии газеты «Красный Север», проживающая на ул. Багровская, Залевина Вера Андреевна, продавец магазина (по фамилии не помню). Вступив между собой в преступные связи, изготавливали хлебные карточки, по ним получали в магазине хлеб, а потом променивали его разным лицам на ценные вещи. Спасская, работавшая в типографии, выкрала шрифт и бумагу, а потом на квартире Залевинной печатали карточки в большом количестве, а потом через одного продавца, с которым имели связи, получали хлеб и другие продукты. Все 4 человека: две сестры Спасских, Залевина и продавец – были привлечены к уголовной ответственности.

Управдом Ревешева, проживающая на ул. Чернышевского, вступив в преступную связь с[о] счетоводом счетной конторы Малковой Анной, завышали количество граждан, проживающих на их участке. На них получали продовольственные товары и хлеб, а потом хлеб сбывали по спекулятивным ценам и меняли на ценные вещи. Обе, Ревешева и Малкова, привлечены к уголовной ответственности.

Или такое. Это было в 1942 году. Ко мне зашла женщина, проживающая по ул. Краснофлотской набережной, дом № 78 или 76, и заявила о том, что зам. председателя Вологодского горисполкома Мелкишева у [н]ее унесла каракуль на женское пальто, а за это уплатила 13 буханок хлеба. Женщина эвакуирована из гор. Ленинграда, а ее муж, подполковник, командир воинской части, был на фронте и ей написал, [что] продавать можешь все вещи, но береги каракуль. Причем Мелкишева этот каракуль унесла обманом к себе на квартиру, якобы посмотреть, а потом сказала, что ее каракуль сожгла няня, положив его на плиту печки. Причем ей показала кусок обгорелого каракуля и принесла этой женщине 13 буханок хлеба. Но через несколько дней, обманув женщину, Мелкишева сшила себе каракулевое пальто. Но мной на Мелкишеву было написано сообщение в ГК КПСС¹³. На Мелки-

шеву на бюро ГК КПСС было наложено партийное взыскание, строгий выговор и предложено пальто возвратить потерпевшей, и она его возвратила.

В ночь на 1 февраля 1948 года в магазине на ул. Некрасова была совершена крупная [кража]. Было украдено 400 метров разной мануфактуры, несколько ящиков конфет и печенья и несколько 16-литровых бутылей вина. Приехав к магазину на автомашине, и один из них, как выяснилось потом, Соколов, подошел к сторожу – старушке и ударил ее ломом по голове; тут же, сломав замки, вынесли на автомашину товар и скрылись. Я в это время был в краткосрочном отпуске, уезжал в Междуреченский р[айо]н и был отпущен до 31 января 1948 г., а приехал 3 февраля, за что нач[альник] УМ УВД комиссар милиции т. Степанов отругал и пообещал наказать, но я тут же заявил, что кражу эту я вскрою. На место происшествия выходили сотрудники ОУР УМ УМВД ВО во главе с нач[альником] уголовного розыска и оперативные работники во главе с зам. нач[альника] 3[-го] о[тделения] милиции Корольковым. На месте преступления был обнаружен в бессознательном состоянии сторож. Она сказать ничего не могла, следов преступления обнаружено не было. 1 февраля т. г.: в заречном детском парке в кустах, в снегу было обнаружено 2 тюка мануфактуры и по распоряжению нач[альника] ОУР УМ УМВД была установлена засада. Но в ту же ночь Корольков засаду снял. Кто совершил это преступление, никто не знал, и было загадочным. Приехав в Вологду, я сразу же приступил к исполнению обязанностей. Сразу же была ориентирована вся общественность и негласный аппарат, и сутками работал и не уходил домой. Вместе со мной и работал оперативный аппарат. На второй или третий [день] мне сообщили о том, что на ул. Чернышевского в доме № 36 в квартире Филичева пьянствовали ребята, были приглашены и девушки. На этом вечере был и источник. На вечере были конфеты в большом количестве и 16-литровая бутылка вина. В разговорах источнику ребята сказали, что они взяли в одном магазине много товаров. После этого, встретив источника через три дня, он рано утром прибыл ко мне на квартиру и сообщил о том, что в доме № 96 по ул. Подлесной в этот день собираются все ребята, кто совершил кражу в магазине на ул. Некрасова. В доме, где собираются ребята, проживает Соколов Николай. Он и организатор кражи. Кроме этого, он сказал, что эта группа ребят совершила кражу масла и творогу на Марковском маслозаводе К[убино]-Озерского р[айо]на. Туда они также ездили на автомашине. В доме Соколова на потолке (между полом магазина и потолком квартиры) было скрыто большое количество мануфактуры и других товаров. Он же сообщил, что часть краденого – вино, конфеты – скрыты в дровах на берегу реки Вологда около Педагогического института. На совершение краж ездил всегда Соколов, он вел и автомашину. В 12 часов дня 5 или 6 февраля я вместе с зам. нач[альника] отделения по оперативной части Корольковым, ст[аршим] о[пер]уполномоченным Чащиным вышли на ул. Подлесная, 97, в дом Соколова. Когда мы пришли к Соколовым, в их квартире сидели все, кто совершил кражу: Соколов, Филичев, Харламов с ул. Красноармейской набережной и четвертого фами-

¹³ Так у автора. Коммунистическая партия Советского Союза до 1952 г. носила наименование «ВКП (б)».

лии не помню. Все были задержаны и взяты под охрану. При осмотре в квартире было обнаружено большое количество товаров, похищенных при совершении кражи. Все краденое и задержанные были доставлены в 3[-е] о[тделение] милиции. При допросе задержанные в совершенных кражах признались, и я доложил нач[альник]у УМ УМВД ВО комиссару милиции т. Степанову. Того же дня в отделение приехали нач[альник] ОУР УМ т. Мухнин Александр Иванович и нач[альник]к отд[ела] по борьбе с бандитизмом Валов. И задержанные, и все изъятое нами было передано в отд[ел] борьбы с бандитизмом. Они вели и следствие. Через этого источника нами было вскрыто ряд серьезных, тяжких уголовных преступлений.

С 25 ноября 1948 года по 1 июня 1950 года я работал нач[альник]ком Чебсарского РОМ. В районе было сильно развито хулиганство, и это был основной вид преступности. С этим злом и вели борьбу. Больше всего преступления совершались на массовых гуляньях молодежи в религиозные праздники. К этим праздникам в деревнях изготовлялось большое количество самогона, и мы очень много изымали и выливали самогона, и некоторые самогонщики привлекались к уголовной ответственности. В Чебсаре мной было вскрыто и разработано дело о хищении социалистической собственности в конторе Заготскот. Управляющий заготконторы Пивоваров, ст[арший] бухгалтер Меньщиков и заготовитель, приемщик скота (по фамилии не помню), вступив в преступные связи и злоупотребляя служебным положением, при приемке скота в колхозах занижали количество в весе и упитанности. Кроме этого, по договоренности с[о] сдатчиками скота занижали количество принятого, фабриковали поддельные и фиктивные документы, а созданные излишки реализовали их мясосдатчикам, тем, кто был обязан платить мясоставки, а облагались в те годы все, кто проживал в сельской местности. Всего ими было похищено на 10 000 рублей. Все трое – Пивоваров, Меньщиков и приемщик скота – были арестованы и осуждены к разным срокам наказания, на 5–8 лет.

1 июня 1950 года из Чебсарского РОМ я был отозван и командирован на должность ст[аршего] оперуполномоченного ОБХС Лежского РОМ МВД, а 1 июня 1954 года был выдвинут на должность нач[альник]ка Лежского РОМ МВД В[ологодской] о[бласти]. Будучи ст[аршим] оперуполномоченным ОБХС, я 4 раза избирался секретарем партийной организации райотделения. Там же неоднократно избирался членом пленума и членом бюро Лежского РК КПСС. 15 февраля 1958 года, по болезни, я вышел на пенсию – в отставку.

По линии ОБХС мне запомнились следующие дела. Спекулянтки сестры, фамилии не помню, по имени Манефа и ее сестра Королева Александра, проживающие в дер. Калинка Орловского с[ель]совета, скупали в большом количестве чеснок и лук в деревнях Орловского и Демьяновского с[ель]совета и возили для сбыта его на Север в Мурманск и Северодвинск по 100–300 килограм[мов] за раз. И там сбывали его на базарах, выручая от этого большие прибыли. Например, чеснок скупали по цене 1 рубль за килограм[м], а в Мурманске [продавали] по 5–6 рублей за

килограм[м]. Всего, как было установлено следствием, ездили 12–13 раз. Обе нарсудом Лежского р[айо]на были осуждены по ст. 107 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Кладовщик СМУ Монзенского леспромхоза в лесопункте Каменском Коновалова, пользуясь бесконтрольностью начальника, занималась хищениями строительных материалов и ценностей. Хищениями, имея связи с Коноваловой, занимался и нач[альник]к Каменского лесопункта Комаров Владимир Георгиевич. Он же был судимый за хищения строительных материалов в гор. Москва при строительстве студенческого городка. Мной у Комарова был изъят партийный билет, этот билет у [н]его не был изъят в Москве при его аресте, а поэтому, имея п[артийный] билет, он выдавал себя за коммуниста. Всего со склада Коноваловой было похищено строительных материалов на 96 000 рублей. Комарова¹⁴ была осуждена к 10 годам лишения свободы, а Комаров к 3 годам л[ишения] свободы. И еще мной было вскрыто ряд дел по линии ОБХС.

За время работы ст[аршим] о[пер]уполномоченным нач[альник]ком РОМ майор милиции Воробьев, а потом и Чистяков мне очень часто давали дела по линии ОУР. По этим делам и направляли в командировки по району. Так, в осень 1950 года на имя нач[альник]ка РОМ ГБ из Министерства обороны пришла жалоба о кражах яблок в дер. Дыроватово Рабочекрестьянского с[ель]сов[ета] у матери двух военнослужащих. По этой жалобе вначале ездил ст[арший] оперуполномоченный Крутиков, но он ничего не установил лиц, занимающихся хищениями, и начальник райотделения послал меня и сказал, что эти заявления у [н]его на контроле. Я выехал на место и при проверке установил, что кражами яблок занимались: Смирнов Алексей, Талопов Василий, ранее судимый за убийство, два брата Шаховы, Алексей и Геннадий, Сысоева Сира. Всего они унесли около 150 кг яблок. Виновные в совершении кражи признались, но я уехал и их вызвал в райотделение для предъявления обвинения. Но когда они были в райотделении, зашел прокурор Большаков Николай Яковлевич, и они с нач[альником] РО МВД ВО Гришиным предложили арестовать всех 5 человек. Прокурор подписал на всех протоколы задержания. Постановления на арест – об избрании меры пресечения утвердил нач[альник]к РОМ Воробьев и санкционировал прокурор. Но народный суд всех 5 человек осудил к 1 году ИТР и из-под стражи освободили. А на меня наложили дисциплинарное взыскание – 10 суток ареста. А те, кто давал распоряжение, остались как бы правы и не виновны. Проверку по этому делу проводил капита[н] Немировский из следственного отдела. Я до сего времени считаю, это было сделано неправильно.

В 1952 году в дер. Тарасово Вохтогского с[ель]сов[ета] в религиозный праздник «Тихвинская» было совершено убийство г[раждани]на Кашина. На место происшествия мы выехали вдвоем с[о] ст[аршим] о[пер]уполномоченным УР Крутиковым. Когда приехали, труп Кашина лежал посреди деревни, около сарая. Около трупа валялось несколько кольев.

¹⁴ Вероятно, автор допустил опisku и имел ввиду Коновалову.

Лицо убитого было обезображено, и убитого узнали только лиш[ь] по одежде. Осмотрев место происшествия и труп, с нами еще был на месте судебно-медицинский эксперт Крылов Петр Николаевич; труп отправили в Вохтогскую больницу. Для установления, что произошло и кто мог совершить убийство, мы обошли все дома в деревне. Деревня Тарасово большая, около 60 домов. В конце деревни нам сказали две девочки, кто совершил убийство, и назвали свидетелей или очевидцев преступления. При расследовании мы установили, что убийство Кашина совершили Белов Николай и Кашин Николай из дер. Дресвище Вохтогского с[ель]сов[ета]. Оба преступника нами были задержаны. Белов ранее неоднократно судимый. И оба, Белов и Кашин, спецколлекцией областного суда осуждены за зверское убийство к 25 годам л[ишения] свободы каждый.

На разные происшествия меня посылали, и я выезжал в лесопункты Монзенского леспромхоза. Преступность в районе была высокой, и особо было много убийств. А поэтом[у] часто в шутку называли Лежский фронт. В районе было сильно развито самогонварение и особо к старым религиозным праздникам. Самогон гнали поголовно все. В целях предупреждения дерзких форм хулиганства в эти праздники, перед праздником за день, а потом и в праздник рано утром, мы выезжали в ту деревню, где праздник. Около деревни в лесу, на берегу речек обнаруживали места, где гонят самогон. Обнаруженные самогонные аппараты уничтожали, самогон и барду выливали на землю, причем это было в большом количестве. Некоторых злостных самогонщиков привлекали к уголовной ответственности и особо тех, кто гнал самогон для продажи.

В 1950 году, будучи в дер. Б[ольшие] Дворища Зыковского с[ель]сов[ета], мне сообщили, что Алексеев систематически пьянствует и совершает хулиганские действия. А на территории Грязовецкого р[айо]на на почве хулиганства в религиозный праздник нанес 3 ножевых ранения Балашову из той же деревни Б[ольшие] Дворища. Я лично допросил Балашова, он был дома, из Грязовецкой больницы уже выписался. Там же в деревне я допросил еще 6 или 7 очевидцев. Еще по делу требовалось допросить 3[-х] человек в Грязовецком р[айо]не, взять справку судмедэксперта, и дело можно передавать через прокурора в суд. Я Алексеева задержал и доставил в райотделение, вместе с материалом передал нач[альни]ку РОМ майору милиции т. Воробьеву, а он этот материал передал Крутикову. А Крутиков Алексеева отпустил и материл – протокола допроса – порвал. После этого через полгода, в мае месяце 1951 года, с его другом Смирновым зверски убили председателя Зыковского с[ель]совета Белова, нанеся ему около 60 ножевых ранений, за то, что Белов не дал Алексееву и Смирнову справки на получение паспортов. За что Алексеев спецколлекцией областного суда осужден к 25 годам лишения свободы. Нач[альни]к РОМ Воробьев был строго наказан. После Воробьева на должность нач[альни]ка РОМ приехал майор Чистяков. А с 1 июня 1954 г. на должность начальника РОМ был выдвинут я.

В июле месяце 1954 г. я вместе с[о] ст[аршим] о[пер]уполномоч[енным] Крутиковым шел домой с[о] ст. Вохтога пешком, и на 2[-м] к[ило]метре мы встретили

ехавшую на автомашине управляющую госбанка Василисину Александру Васильевну. Она нам сказала, что на 4[-м] километре от с. Сидорово в стороне от дороги, в лесу, они слышали стон женщины. Я сразу же эту автомашину вернул обратно и подъехал к тому месту, где был слышен стон женщины. Остановились и зашли с дороги в сторону. В лесу в 150 метрах от дороги под елкой лежала девушка 19 лет, забросанная мхом и лапками ели. Это была кассир Каменского нижнего склада по имени Лида. У [н]ее было огнестрельное пулевое ранение в шею сзади. На шее были заметны ожоги от пороховых газов. Лида была в тяжелом состоянии, бредила и ничего сказать не могла. Мы ее, взяв на руки, быстро вынесли на дорогу и, положив в машину, увезли в Сидоровскую районную больницу. В пути она про себя произносила, [что в н]ее стрелял в военной гимнастерке молодой человек. Лиду, оказав необходимую помощь, в сопровождении врача отправили в гор. Вологда в областную больницу. Я, не теряя времени, быстро дал распоряжение участковым закрыть все дороги, задерживать и проверять мужчину, одетого в военном. А потом выехал на ст[анцию] Вохтога. Здесь медлить было нельзя. Следов преступления на месте обнаружения Лиды обнаружено не было. В Вохтоге мы закрыли все выходы из лесу, для чего было организовано патрулирование работников милиции и бригадмилейцев. И вот в 17 часов того же дня во время патрулирования бригадмилейцы Калугин Михаил, Чистяков и третьего, фамилии не помню, встретили на ст[анции] Вохтога неизвестного мужчину, одетого в военной гимнастерке и в фуфайке. При задержании он пытался им оказать сопротивление, наставляя на них обрызг. Но Чистяков выбил у [н]его из руки обрызг, а Калугин и еще бригадмилец его взяли за руки. И так доставил[и] на вокзал в милицию. На вокзале находился о[пер]уполномоченный лейтенант милиции т. Кулаков. При личном обыске у задержанного был изъят денежный кошелек и некоторые еще вещи, принадлежащие потерпевшей, в том числе и [на]ручные часы. Эти вещи потом опознали родственники потерпевшей. Задержанный, при выяснении личности установлено – Диановский Гасан, ранее судимый за грабежи и кражи. Во время следствия под тяжестью улик Диановский признался и был осужден к 15 годам лишения свободы. А бригадмилейцам в приказе нач[альника] УМВД ВО полковника Шеварова объявлена благодарность.

В 1955 году бригадмилейцы Чистяков Леонид, его брат Чистяков Владимир и Блохин шли из лесу домой в 24 часа. И вот в поселке Каменского л[есо]пункта Монзенского леспромхоза заметили: в склад магазина ОРС сломаны замки и открыта дверь. Подошли к складу и тут увидели в складе человека, которого они, проявляя смелость, задержали, и доставили в контору лесопункта. Задержанным оказался Маслов Михаил из деревни Анохино Баклановского с[ель]совета Лежского р[айо]на. Маслов – ранее 7 раз судимый за разные преступления, и он за взлом замков и попытку в совершении кражи привлечен к уголовной ответственности. Бригадмилейцы награждены ценными подарками начальником ОРС Монзенского ЛПХ. А в приказе нач[альни]ка УМВД ВО полковника Шеварова им объявлена благодарность.

В зиму 1955–[19]56 года председатель колхоза Русаков в 12 часов ночи шел домой с заседания правления колхоза из деревни Корючево в дер. Целенниково Подберезжского с[ель]сов[ета]. Подходя в дер. Целенниково, на колхозном амбаре на крыше заметил человека, который совершал кражу колхозного хлеба – пшеницы, разломав в крыше отверстие в склад. Подойдя к складу, Русаков крикнул: «Слезай с крыши!». Кто был на крыше, Русаков не знал. А для [н]его неизвестный, быстро соскочив с крыши, ударом сбил Русакова с ног на землю и нанес ему несколько ножевых ранений в разные части тела и скрылся, оставив Русакова в бессознательном состоянии лежащим на земле. После этого шел сторож, который и обнаружил Русакова на земле. А обнаружив его, сообщил быстро о случившемся родственникам. Тут же подобрали Русакова. Медсестра оказала необходимую первую помощь, одновременно сообщили по телефону в райотделение милиции. Получив такое извещение, я быстро вызвал в райотделение ст. оперуполномоченного Крутикова и ст. следователя Марфичева и с ними на лошади, запряженной в сани, поехали в дер. Целенниково. Дер. Целенниково находится в 15 километрах от райцентра. В пути следования мы встретили подводу – лошадь, запряженную тоже в сани, на которой его жена в сопровождении фельдшера везли Русакова в с. Сидорово в районную больницу. Русаков был в бессознательном состоянии и, кто его изрезал, ничего сказать нам не мог. Он был в тяжелом состоянии и не мог произнести ни одного слова. Приехав в дер. Целенниково около 2 часов ночи, мы вначале нашли сторожа, потом еще к нам пришли два колхозника. Сторож нам указал место, где был изрезан Русаков. Осмотрев предварительно место происшествия с фонарем, а потом допросили сторожа. Но кто порезал Русакова, нам никто не сказал, но это тяжкое преступление надо было вскрывать, и мы делали все, чтобы найти преступника. А когда рассвело, то мы осмотрели более тщательно место происшествия, но никаких следов и орудий преступления не нашли. На крыше склада было отверстие, разломанное преступником для проникновения в склад. Но бригадир колхоза Зайцев нам высказал подозрение на Матреничева Алексея. Последний к работе относился плохо, нарядов бригадира не выполнял. В летнее время занимался хищением колхозных кур. При опросе других лиц нам высказала подозрение тоже на Матреничева доярка колхоза. Она проживает через дорогу, напротив дому Матреничева. И она видела, как у Матреничевых в избе неоднократно зажигался свет около 24 часов, и еще она видела, как из их дому выходил мужчина. Она точно сказать не может, но подозревает, что это был сам Матреничев. Жены у Матреничева не было дома, она уехала к родственникам в Орловский сельсовет. К Матреничеву мы в дом вошли уже вечером. Матреничев лежал на печи, дверь нам открыла его мать. Задав Матреничевым несколько вопросов, мы осмотрели его вещи и на шубе-дубленке обнаружили несколько пятен запекшейся крови. А потом на печке, где лежал Матреничев, осмотрели все и обнаружили нож под подушкой. Я взял нож и, подойдя к Матреничеву, спросил в упор: «Скажи, ты этим ножом порезал Русакова?». И он ответил: «Этим». Нож и шубу

с пятнами направили в Архангельский медицинский институт, где подтвердили наличие крови на шубе и ноже. Матреничев в совершенном преступлении признался. Спецколлегией областного суда приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Но Президиум Верховного Совета РСФСР помиловал и заменил и 10 годами лишения свободы.

В 1955 или 1956 году около деревни Бездушниково в 2 км/метрах от ст. Лежа был обнаружен труп мужчины. При осмотре трупа принимал участие судебно-медицинский эксперт – врач Крылов Петр Николаевич. При осмотре трупа и места около [н]его установили, что человек задавлен при наезде на [н]его автомашины. Но кто ехал на автомашине, никто не видел, хотя бы и автомашин в то время было очень мало. Труп был обнаружен в 5 часов утра, а поэтому было ясно, что машина шла в ночное время. Для осмотра места происшествия был вызван автоинспектор ГАИ УМ УМВД Филимонов. [А]втоинспектор нам в заключение сказал, что у этой автомашины одна крышка была южная, здесь этих крышек было мало. На проверку было мобилизовано все, в том числе, кроме проверок в колхозах и леспрохозах, и ориентировано Грязовецкое райотделение милиции. На 2[-й] день нам сообщил уч[астковый] уполномоченный Герасимов, что автомашина с южной крышкой есть в колхозе «Рабочекрестьянский». Она к ним пригнана из Лежского леспрохоза для перевозки зерна государству и стоит она на ремонте в дер. Угленцево. Мы с Филимоновым выехали в указанную деревню, вместе с нами приехал ст[арший] следователь райотделения Агарфилов. К нашему приезду шофер сменил одно колесо. Но мы его нашли в колхозной кузнице. Осмотрев машину, мы проверили по документам и путем опроса бригадира колхоза, куда ездили на этой машине, а потом допросили шофера, и он в совершенном преступлении признался и пояснил, что он в ночное время ехал со ст. Лежа на машине, вез группу комсомольцев и молодежи и наехал на лежавшего неизвестного человека на дороге. Но машины не остановил и проехал вперед, хотя бы понял от треска, что кого-то задавил. А приехав в колхоз, попросил ребят, если что заметили, молчать. И они молчали. Шофер по фамилии Соколов нами привлечен к уголовной ответственности и осужден.

В Лежском р[айо]не в то время больше всего совершались тяжкие преступления, убийства, а часто на почве мести. Так, в 1966 году в дер. Красное Лежского с[ель]совета Кабанов Алексей утром попросил у бригадир[а] Батова лошади для подвозки бревен из лесу для ремонта его дома. Но Батов лошади Кабанову не дал, так как Кабанов не работал в колхозе и к тому же лошади были заняты на колхозной работе. После этого того же дня в 20 часов, напившись пьяным, Кабанов зашел в квартиру Батова в 20 часов, вечером. Батов сидел за столом и пил чай, тут же за столом сидела его жена и 8 человек детей. Войдя в квартиру, Кабанов сказал: «Мне тебя и надо», – и произвел в [н]его два выстрела: один выстрел в шею и второй – в голову. Батов тут же упал и скончался – умер, а Кабанов, выбежав на улицу, посреди деревни произвел выстрел в себя, в голову, тут же умер. Ранее между [н]ими никаких ссор не было.

В 1956 год[у] в религиозный праздник Ильин день в дер. Антипино Вохтогского с[ель]совета, где было гулянье молодежи, примерно в 3 часа ночи, когда уже все разошлись, на улице посреди деревни был обнаружен труп 17-летнего подростка с ножевым ранением в груди, в области сердца. Труп был доставлен в Вохтогскую больницу. Мальчик был из дер. Ваганово Вохтогского с[ель]сов[ета], фамилии мальчика не помню. На место происшествия выехали я, ст[арший] о[пер]уполномоченный Крутиков и прокурор Горелик. Выехали мы сразу же, как только сообщили в 3–4 часа ночи, на лошадях верхом. На месте происшествия была обнаружена лужа крови и все. Кто совершил убийство – никто ничего не сказал. Драки в деревне не было. Первый день работы нам ничего не дал. Подростки, а мы опросили почти всех из дер. Антипино, Ваганово, Вохтога, Евковка, Черняево, но никто ничего не сказал. Опрашивали и взрослых. Но утром на второй день ко мне подошли две девочки 10–12 лет и сообщили, что в деревне есть гость из гор. Вологда, фамилии не помню, но назову условно Ефремов. Он в квартиру, где гостил, пришел около 0,1 ночи, очень долго мыл руки, чистил костюм и куда-то убрал перочинный с железной ручкой нож. После этого мы пошли на квартиру, где остановился Ефремов. В квартире его не было, он отдыхал на повити в горнице на кровати. Мы с Крутиковым ему предложили встать и с нами следовать в школу, где мы работали. Ефремов с нами пошел. Оставив его в школе, мы с Гореликом пошли искать нож, и, спросив его у хозяйки, она нашла. На ноже, вернее на ручке ножа, мы нашли следы крови. Придя в школу, мы вторично осмотрели его всю одежду. При опросе Ефремов свою вину признал и пояснил, что он сильно пьяный шел по деревне и, встретив этого подростка, тоже пьяного, и он, якобы на него набросился с кулаками. Тогда Ефремов ударил его ножом в грудь, и подросток упал. Тут же нашли очевидцев. Когда мы уже допросили Ефремова, к нам прибежали несколько человек, а забегая в школу, кричали: «Освободите Ефремова, он не виновен!». В деревне было очень много народу, продолжалось празднование. А когда мы вывели Ефремова на улицу и повели его в райотделение, группа родственников и знакомых набрасывалась на нас с криками: «Освободите Ефремова, он ни в чем не виновен!». Нас от [н]его отталкивали, и так за нами шла толпа дер. Иволина почти два километра. Ефремов за совершенное убийство осужден к 10 годам л[ишения] свободы.

Во время работы в органах милиции я все время участвовал в общественной и партийной работе. В годы коллективизации принимал участие в организации колхозов, проводил собрания колхозников.

В 1932 году по командировке Вельского РК ВКП(б) ездил с бригадой в Судромский с[ель]с[овет] по чистке колхозов, или можно рассказать такой случай. Весной 1934 года, а это было в апреле месяце, активно начал таять снег, а из комсомольско-молодежного квартала была не вывезена сера на канифолеваренный завод колхоза им. Сталина, а вывозить ее надо было. Шел дождь. Квартал был в 15 километрах от канифольного завода, и к нам в Лиходиевский с[ель]сов[ет] приехал секретарь Вельского РК

ВКП(б) Комаров Павел Тимофеевич. И он предложил мне ехать в дер. Раменье, и надо было в ту же ночь вывести всех лошадей за серой. Раменье находилось в 10 километрах от Лиходиевского с[ель]с[овета], а в 25 км от комсомольско-молодежного квартала. Деревня считалась консервативной. В дер[евне] было около 100 крестьянских хозяйств, а в колхозе было всего лиш[ь] 12 хозяйств, остальные были единоличники, причем это было на религиозный праздник Пасху. Приехав в деревню, я вечером собрал собрание деревни. На собрание пришли все. И я, сделав информацию, предложил того же дня ночью ехать в квартал за серой и обязал всех ехать, кто имеет лошадь. В 24 часа со мной был председатель колхоза Некрасов. И ровно в 24 часа в деревне был сбор. Вышло 93 лошади, из них 10 колхозных и 83 единоличных. Но, выехав, они мне закрыли дорогу, выезд из деревни. Ехать надо было лесом, и они всю дорогу завалили срубленными ими же деревьями, а на одной елке, свален[н]ой поперек дороги, было написано «Цувареву ехать опасно, ждет неприятност[ь]», но я проехал хорошо, а секретарь РК ВКП(б) был доволен и сказал спасибо. В Р[акуло]-Кокшен[ьг]ском с[ель]сов[ете] был членом с[ель]сов[ета] и заместителем председателя с[ель]сов[ета], а в 1933 г. был избран секретарем партийной ячейки. В Междуречье и Чибсаре выезжал в командировки по линии РК КПСС, приходилось проводить отчетно-выборные колхозные собрания. Ездил по заготовке кормов и уборке урожая много раз. Избирался секретарем партийных организаций. В Вологде и Леже избирался членом РК КПСС и членом бюро РК КПСС. Избирался депутатом Вологодского городского и Молотовского районного Совета народных депутатов. Выйдя на пенсию, также принимал участие в общественной и партийной работе. 12 раз избирался секретарем п[арт]организации домоуправления. 8 раз – зам. секретаря п[арт]бюро. 4 года вел в доме инвалидов Кружок текущей политики. Больше 4 лет был членом внештатной партийной комиссии Вологодского ГК КПСС. И много других общественных поручений. А сейчас вот уже год работаю председателем совета общественного пункта охраны правопорядка.

В 3[-м] отд[елении] милиции работал 10 лет. С 1938 по 1948 год. За это время:

В 1[-м] отд[елении] милиции работали нач[альники]:

1. Гайдо
2. Домничев В.П.
3. Быстров
4. Жеребцов
5. Желякин
6. Куршин

2[-е] отделение милиции:

1. Громцев
2. Локотков
3. Меньших
4. Тропин
5. Назаров
6. Домничев

В работе милиции большинство сотрудников были малограмотные, но тогда был большой патриотизм, а поэтому очень много преступлений, и особо

краж, раскрывалось участковыми инспекторами и рядовыми. Они много доставляли в отделения милиции с краденными вещами и по подозрению. В годы Великой Отечественной войны работали в большинстве пожилые, старше 50 лет, и женщины, но они

тоже выполняли честно свой служебный долг. Все, что здесь написано, правильно и не выдуманно.

28/II – [19]80 г.
Цуварев

M.A. Beznin, T.M. Dimoni

MEMOIRS OF THE VOLOGDA POLICEMAN M. P. TSUVAREV

The publication presents a rather rare source that is the memoirs of a provincial police officer. M.P. Tsuvarov worked in the police from the late 1920s to the late 1950s. His memoirs relate to the characteristics of the police officers of the modern territories of the Arkhangelsk and Vologda regions in the difficult years of collectivization, the Great Patriotic War and the first postwar decade. The memoirs allow us to present a range of problems of everyday life of the population of the European North of Russia, the state of public order, and typical cases of crime. M.P. Tsuvarov also concerns the basic characteristics of the police service, career and financial situation of police officers. Written in the 1970s, the memoirs were revealed by the authors of the publication in the Museum of Law Enforcement Agencies of the Vologda Region in 2016.

Law enforcement agencies, police, Russian North, memoirs.